

Адская училка

Автор:

Бальтазар Блуд

Адская училка

Бальтазар Блуд

Монстры скрываются среди людей. Орден Зари разоблачает и убивает пожирателей. Мировое правительство ищет дверь в мир мёртвого бога.

Тем временем двоечник и прогульщик Михаил Сомов вот-вот провалит выпускной экзамен. Но в его классе появляется новая училка, горячая, как самый горячий пирожок. Похотливый бездельник позволяет себе лишнего – и встречается лицом к лицу с источником немыслимой силы и немыслимого зла.

Всем героям исполнилось 18 лет.

Эта книга не пойдет вам на пользу.

Содержит нецензурную брань.

Бальтазар Блуд

Адская училка

Вместо пролога

Взойдёт поганое семя Шаддата,
И будет царство плача, воя и скрежета зубовного,
И первенцы будут иссечены и поделены, аки лишний скот.
Головы достанутся царям, самозванным и нечестивым,
Потроха – богам старым, идолищам многим и ложным,
Сердца – богам новым, Иисусу и Фудифолу Фудису,
Тайные же уды достанутся Дьяволу.

Протопоп Киприан Ядрига, «Норная Проповедь».

Глава 1

– Миха, смотри сюда. Хватит тупить, погляди!

– Отстань, Толстый...

– Ты дурак! Смотри сюда, поц! Зацени немедленно!

Михаил Сомов по прозвищу "Сом" и Изя Куккенцукер по прозвищу "Толстый" бездельничают перед подъездом. В руках у Толстого телефон – он снова и снова тычет мобильником в нос другу. Наконец, Миха отрывается от бутылки с пивом и вглядывается в экран.

Ролик снят из рук вон плохо. Шум, гам, пол, потолок. Внезапно, в фокусе оказывается мощная задница, обтянутая узкой юбкой. Массивные округлости упруго покачиваются, проверяя ткань на прочность. Миха разглядывает

роскошные формы. Скептически морщится.

– Ну, жопа. Ну да, жопа что надо. И чья же? Погоди, это не твоя мамка у плиты? Пиздец, Толстый, ну зачем? Тебе не стыдно? Ебанутый извращенец. Без обид, ты реально больной на всю голову.

– Где ты видишь плиту, придурок? Тупой гой! Гляди, фикус, доска, Щедрин! Это наша новая училка. Вместо Павловны. Ты кое-что пропустил, прогульщик сраный. Ага? Залип? Залип, блядь? То-то же! Просто грандиозные булки. Я чуть не спалился. Вован и Рыжий спалились, она их выставила. У Паши Сопли сел телефон, несчастный дровича бегал и ныл, чтобы скинули ролик. Отныне зови меня Федерико Феллини. На, цени.

Миха меняется в лице, берёт мобильник и запускает ролик заново. Затем хлопает Толстого по плечу.

– Вот так дела. Пора учиться. Завтра экономика какой парой?

– Третьей. Да, Миша. Давно пора. Хуй ты у меня спишешь на экзамене.

– Да ладно, Толстый, я сам сдам...

– Хуй ты сдашь! Сразу в армию, прямо с крыльца. Какого ты вообще делаешь в одиннадцатом классе? Сом, серьёзно, ты же тупой. Ну как так, Сом?

– Ладно, заебал, не накаркай... давай, до завтра...

– Давай, Сом.

Толстый поднимает с лавки скрипичный футляр, протирает очки, идёт к своему подъезду. Миха не глядя кидает пустую пивную бутылку через плечо. Снаряд попадает прямо в урну. Раздаётся звон бьющегося стекла. В ту же секунду распаивается окно на втором этаже, оттуда высовывается сморщенная старуха. Протяжный истошный вой заполняет весь двор.

– Со-о-о-о-ооомов, ирод! А если дети будут играть?!! Бандит растёт!!! Бандит, ёб твою, Сомов!!! Весь в папашу!!! А если дети туда полезут?!! Если де-е-е-ти-и-и-и-

полезу-у-у-у-ут!!?

– Сдрасьте, баб Вера.

Не обращая внимания на соседку, Миха сморкается и прижимает к двери таблетку домофона.

Раз в тысячу лет случается чудо вселенского масштаба: Михаил Сомов готовится к занятиям задолго до начала урока. Он забирается за последнюю парту. Вываливает на стол разрисованные учебники и мятые тетради.

В классе странная атмосфера. Девчонки хлопают глазами, кривится, перешептываются, недоуменно крутят головами. Что-то случилось. Пятна на Солнце. Изменение магнитных полей. Сбой в движении мирового эфира. Засранцы и недоросли не обращают внимания на лучшую половину одиннадцатого-Б класса. После вчерашнего дефиле перед доской – юные умы устремились в иные области.

Начинается томительное ожидание. Вован многозначительно переглядывается с Рыжим. Пашка Сопля проверяет зарядку телефона. Разговоры в классе стихают. Сом рассеянно барабанит зажигалкой по парте.

Толстый встает, шагает в дальний конец классной комнаты. Кладёт другу руку на плечо. Его голос спокоен и торжественен. Он вещает, словно Моисей перед сомневающимся племенем.

– Спокуха. До звонка ещё семь минут.

– Послушай, Изя, – Миха обращается к товарищу почти официально, – Павловны точно не будет?

– Не бзди. Я заходил в учительскую. Сегодня порнохаб с доставкой на дом. Не бзди и верь!

Минута тянется за минутой. Наконец, в коридоре раздаётся энергичное цоканье. Дверь в класс открывается одновременно со звонком. И Миха наконец-то понимает причину всеобщего ажиотажа. Зажигалка выскальзывает из рук двоечника. Его сердце замирает, дыхание перехватывает

В класс залетает высокая широкоплечая дама.

В ней как минимум два метра роста – и большая часть приходится на ноги модельных пропорций. Мощные бедра двигаются в такт громкому цоканью каблуков. Походка энергична и напориста, словно она идёт по подиуму, а не по затёртому школьному паркету. Раздаются дружные вздохи, приглушенные возгласы восторга и удивления.

Новой преподавательнице лет тридцать, но её окружает аура матёрого, чертовски матёрого педагога! Она меньше всего похожа на вчерашнюю выпускницу пединститута, что робеет и краснеет перед сборищем неучей.

На училке строгий синий костюм. Юбка едва доходит до середины бёдер, туго обтягивает внушительные формы. Полы пиджака распахнуты – потому как запахнуть их попросту невозможно! Парни из одиннадцатого-Б теряют дыхание от чертовски эффектного зрелища!

Первое, что видит Сом – это могучая, величественная, грандиозная грудь под белоснежной сорочкой. С каждым шагом бюст упруго вздрагивает, излучая в пространство невыносимое эротическое напряжение. Ряд пуговиц с трудом удерживает натянутую ткань – кажется, они вот-вот отлетят! Отлетят с такой страшной силой, что проделают дыру во лбу кого-нибудь из учеников!

Училка садиться, кидает на стол папку с бумагами. Она выпрямляется – и Миха чувствует шум в ушах.

Даже с последней парты можно различить очертания массивных сосков под плотной тканью бюстгальтера. Массивных и твёрдых – словно крупнокалиберные пули, нацеленные Михе прямо в лицо. Гул в ушах нарастает. Пропеллеры бомбардировщиков ревут над школой. Секс-бомба сброшена – и класс ждёт участь Хиросимы! Ошеломлённый двоечник моргает и трясёт патлами, пытается справиться с приступом головокружения.

Господь и Иисус Христос!!!

Неужели это правда?!!

Неужели так бывает?!!

Миха пытается себя ущипнуть. Удостовериться, что он сейчас в школе, а не в одном из тех самых снов! Он слышит, как через три парты громко сопит Толстый. Этот звук выводит Сома из оцепенения. Он лихорадочно вытирает покрасневшее лицо – и рефлекторно приподнимается на стуле, дабы получше разглядеть великолепные формы.

Дикие вещи творятся в голове Михаила Сомова. Удивление, восторг, ненормальное возбуждение – и, самое странное, его переполняет чувство благодарности к преподавательнице экономики, старой карге Павловне. Ах, Павловна! Как же славно, что ты отравилась курицей! Как же славно, что тебе на замену явилось существо из самых жарких мечтаний, самых влажных снов! Ах, милая, милая, бесконечно милая Павловна, да продлится неделями твоя диарея, счастья тебе и долгих лет!

– Здравствуйте, ребята! Вижу, в классе новые лица. Представляюсь для тех, с кем мы вчера не познакомились. Специально для прогульщиков: меня зовут Нона Викторовна Иванчук. Я буду заменять Елизавету Павловну. Возможно, до самого конца четверти. Так, где журнал? Кто дежурный? Где классный журнал?!

Ангельская музыка достигает ушей Михи. Смысл слов остаётся за кадром. Чарующие звуки затягивают его в бездонный розовый омут. Всё его внимание сосредоточенно на пленительных движениях, содроганиях и колыханиях натянутой блузки. Такого не отрыть в интернете! Такого не отыскать на порнохабе! Что за великолепные формы! Слово два баскетбольных мяча пытаются вырваться из плена и покатиться к его ногам! Экая роскошь! Экое волшебство!

– Так, первая парта – в учительскую, за журналом! А пока, еще раз для прогульщиков – внимание на доску. Нона – с одним «Н». Берём ручки и переписываем моё ФИО.

Нона Викторовна разворачивается к классу спиной. И скрипит мелом, старательно выводя своё имя и фамилию.

В этот момент Сом понимает, насколько бездарен Толстый как оператор. То, что казалось впечатляющим на тридцатисекундном ролике – оказалось в миллион раз прекрасней.

Фигура училки – классические песочные часы. Широкие плечи, тонкая талия, роскошный и мощный зад. Ткань юбки обтягивает круглые массивные ягодицы, разделяет их глубокой траншеей. Вид сзади подавляет любую мыслительную активность. Упругие мячи вызывают одно лишь желание: вцепиться в них что есть силы! Вцепится так сильно, как только возможно! Челюсть Михи покидает пределы лица. На изрисованную парту падает капля слюны.

Если бы Миха имел способности к поэзии – он бы отыскал самые восторженные слова, чтобы описать впечатления от новой училки. Но сейчас в его уме роятся лишь незатейливые эпитеты и такие же незатейливые планы.

«Ух ты, епты»,

«Пиздец, жара»,

«Бывает же такое»,

«Это на самом деле?»,

«Сто килограмм ебли»,

«Баскетбольные мячи»,

«Колоссальная задница»,

«Орех – всем орехам орех»,

«Безбожно высокая богиня»,

«Только бы продержаться до конца пары»,

«Зарыться бы в эти сиськи – и присосаться! Присосаться и умереть!».

Толстый оборачивается, многозначительно кивает другу, показывает большой палец. Затем складывает руки в молитвенном жесте – и поднимает глаза к потолку, благодарит своего еврейского бога за волшебное зрелище.

В классе слышится сопение, кряхтение, сдавленное покашливание. Юные засранцы краснеют, потеют, и дружно таращатся на грандиозную задницу. Девичья половина тоже краснеет, чувствуя, как воздух в классной комнате отравляют гормональные выбросы невиданной силы.

На долю секунды Миха выныривает из розового тумана. И наконец-то разглядывает лицо Ноны Викторовны. На вид, горячей красотке нет и тридцати. Очки в массивной пластиковой оправе. Томный блеск голубых глаз. Алые, полные, чувственные губы.

Матовый блеск помады становится точкой невозвращения. В воспалённом мозгу Михи вспыхивает яркая и отчётливая сцена – его член проваливается в рот новой училке! Проваливается вместе с яйцами, целиком, полностью, без остатка! Хлюпанье, сопение, причмокивание – и струи спермы бьют из её губ, из её носа, заполняют классную комнату, смывают со стен портреты русских классиков, выдавливают окна родной школы, обрушиваются на мостовую кипящими водопадами!!!

Как назло, в эту самую секунду горячая бестия у классной доски сладострастно зевает, аккуратно прикрыв рот.

Эротическое напряжение невиданной силы раздавливает двоечника и прогульщика!

Миха попадает под удар не один. Тень Эроса накрывает весь класс. Выбивает воздух из лёгких. Перемещает всю кровь из верхних частей тела в нижние. В таких условиях невозможно учиться. Невозможно мыслить. Невозможно дышать и существовать!

Нона Викторовна чувствует себя весьма комфортно среди всеобщего сопения и слюноотделения. Или не замечает восторженных и похотливых взглядов – или не обращает на них внимание. Она сидит за учительским столом, повернувшись к классу вполоборота и закинув ногу за ногу. Пиджак повешен на спинку стула. Классный журнал лежит на мощных бедрах. Длинный розовый ноготь медленно ползёт по списку учеников. Голос училки звучит расслабленно и даже вальяжно.

– Так, ребята. Открываем учебники. На чём вы остановились? Кто расскажет? Почему никто не поднимает руку? Ладно, начнём с отличников. Изя Куккенцукер – к доске!

Тот краснеет, бледнеет, затем снова краснеет, затем снова бледнеет. Палец Ноны Викторовны нетерпеливо указывает на Толстого – а тот всё так же изображает хамелеона.

– Изя Куккенцукер! Ну-ка быстро к доске!

Несчастный Толстый вцепляется пальцами в парту, пытается опустить школьную сумку себе на колени, дабы скрыть эрекцию невообразимой силы! И всё так же сидит, стиснув зубы и в очередной раз покраснев до кончиков ушей!

– Куккенцукер!!! К доске!!! Сколько раз повторять?!!

Едва ли народ Моисея претерпевал подобные испытания со времён рабства египетского! В голосе училки слышится грохот колесниц и лязг цепей! Толстый отчётливо понимает – наступила новая эра. Нона Викторовна будет править железной рукой! Как и всегда, находчивый еврейский ум находит единственный путь к спасению. Толстый разлепляет губы и начинает мямлить.

– Нона Викторовна... простите, я... я не могу...

– Что это значит? Изя? Что за глупости?!!

– Нона Викторовна, у меня нога затекла... смертельно затекла нога! Господи, как же больно!!! Дайте мне пять минут... пять минут, Нона Викторовна!!!

Толстый хитёр и умен – никто не будет ждать, пока он придет в норму и доковыляет до доски. Расчёт оказывается верен.

– Изя, тебе нужно в медпункт? Ты в норме? Ты бледный какой-то. Нет, погоди, ты красный какой-то.

– Всё в порядке, Нона Викторовна, всё в порядке... просто дайте мне полчаса... такое часто бывает... у меня и справка есть... я на следующее занятие принесу... ну, знаете, повышенный сахар... простите ещё раз, Нона Викторовна...

Толстый умело заговаривает зубы. Туча над его головой исчезает. Но училка продолжает тиранию. В этот раз ноготь останавливается напротив Паши Сопли. Кажется, у этой дамы любовь к букве «К».

– Кривопустов! К доске!

Паша Сопля круглый отличник. Но, в отличие от Толстого, лишён способности складно врать. И у него нет смелости, чтобы послушаться. Паша трясётся, медленно отрывает зад от стула. Поворачивается к училке спиной – и, обречённо согнувшись, боком идёт к доске, словно крабик, выброшенный из морской пучины.

– Кривопустов, ну-ка не горбись! Отвечай, какие бывают типы экономических систем? Вы эту тему успели пройти с Елизаветой Павловной?

– Мме... ммм... эээ... ммээ... мэээ-э-э-э...

Паша Сопля жалобно блеет. Едва ли во всей школе есть человек, знающий предмет лучше. Но он мычит, беспомощно хлопает губами и испуганно озирается. Наконец, не помня себя от ужаса, Паша забывает о своей главной проблеме. И растерянно поворачивается к училке.

В эту секунду, Паша Сопля получает новую кличку.

Отныне и навеки, его зовут Паша Хрен-До-Колен.

Кажется, что несчастный ученик засунул швабру в брюки. Или отрастил третью ногу. И она вот-вот превратит его портки в облако разорванного тряпья. Стояк титанических масштабов пытается пробить ткань, пронзить пространство и время!

Башня из дымящейся плоти вот-вот обрушится и на училку, и на весь класс!

Раздаётся хихиканье, дружное и гадкое. Девки из класса не понимают величия момента. Не чувствуют Силы и Правды в этой сверхъестественной демонстрации мужественности. То, что в любой нормальной культуре стало бы предметом восхищения и даже поклонения – становится объектом для осмеяния, мишенью для самых глупых шуток. Забыв о всяком милосердии, вредные сучки потешаются над злополучным школьником.

У мужской половины одиннадцатого-Б замирают сердца.

Каждый знает – он в любую секунду взойдёт на эшафот. Окажется на месте несчастного.

Все взоры устремлены на Нону Викторовну. Училка смотрит на Пашу Соплю поверх очков, не меняясь в лице. Холодный взгляд голубых глаз прикован к трещащей мотне. Тучи сгущаются. В воздухе попахивает грозой. Все ждут кровавой расправы. Ждут, что вот-вот грянет гром! Но вместо воя, крика, ругани, сцен смущения и негодования – раздаётся спокойный голос Ноны Викторовны.

– Кривопустов, выйди из класса. И приведи себя в порядок.

Она говорит таким тоном, словно не происходит ничего выходящего из ряда вон. Словно командует открыть форточку и проветрить комнату. Почему то кажется, что в её голосе звучат... нотки одобрения? Засранцы из одиннадцатого-Б недоуменно переглядываются. Что училка имеет в виду? Паша Сопля может «привести себя в порядок» одним лишь способом!

– Ну-ка тишина в классе! Что за балаган вы устроили? Так, открываем учебники на сто двадцатой странице.

Нона Викторовна восстанавливает дисциплину.

Паша выползает из классной комнаты.

Бессовестные девчонки затыкаются.

Смешки стихают.

Кажется, всё что могло случиться страшного – уже случилось. Остаётся лишь глазеть, пускать слюни, и давать волю фантазии.

Но не тут-то было. Нона Викторовна наваливается грудью на стол, и начинает читать что-то из учебника. Учительский стол жалобно хрустит. Грандиозные формы упруго деформируются, едва не продавливая столешницу. Несколько верхних пуговиц расстёгнуты – и классу открывается безбожно горячий вид на ложбинку между пленительными полушариями.

Воздух ионизируется и уплотняется, проводя электрические импульсы от десятка перегретых членов. Носы краснеют, реагируя на избыток эндорфина и окситоцина. Штаны трещат. Зубы скрипят. Каждый думает лишь об одном. Каждый мечтает погрузиться между умопомрачительных округлостей Ноны Викторовны – и устроить липкий салют.

Урок пролетает незаметно. Ещё никогда экономическая наука не была источником такого наслаждения, такого томления, и такого животного ужаса.

После пары Сом вприпрыжку бежит на улицу, спеша сделать глоток воздуха. Перед его мысленным взором всё еще двигаются лучшие части Ноны Викторовны. Через пару минут со школьного крыльца спускается Толстый. Его руки дрожат, рубаха мокрая насквозь, ноги заплетаются. Изя выглядит так, словно выбрался из рук гестаповских палачей. Словно его затолкали на беговую дорожку, и пытались загнать до смерти под дулом автомата.

Они останавливаются у забора. И просто молчат. Молчат, смотрят друг на друга, и тупо улыбаются. Наконец, Миха подаёт сигнал.

– Толстый, когда следующая экономика?

– Через пять дней. В понедельник. Вторая пара.

– Как думаешь, Павловна скоро очухается?

Толстый мрачнеет. Он вырос в религиозной семье ортодоксальных евреев. Но до сих пор относился к вере без должного усердия. Но сегодня он будет молиться. Истово молиться о том, чтобы Павловна как можно дольше отдыхала от бестолочей и недорослей. Он пытается верить в лучшее – и утешает друга.

– Сом, пиздец ты озабоченный. Ты же слышал, замена до конца четверти.

На лицах друзей снова расплываются тупые похотливые улыбки. Они молча разворачиваются. И спешат по домам – приводить себя в порядок.

Перед самым подъездом, Михаил Сомов поднимает лицо к небу. Рассеяно наблюдает за движением облаков. Миха понимает – его жизнь уже не будет прежней. Ни его, ни Толстого, ни Паши Сопли. Мир изменился. Происходит что-то странное. Что-то неправильное. И при этом – бесконечно притягательное.

Интуиция не подводит. Но предчувствие открывает лишь часть правды.

В Десятой Общеобразовательной Школе города Кривограда происходит нечто кошмарное.

Глава 2

Михаил Сомов второй день сидит за компом. У него важное дело.

Рядом с монитором громоздятся упаковки салфеток. С другой стороны – грязные лотки от дешевой лапши, банки из под газировки, пустые пивные бутылки. Час за часом он сосредоточенно просматривает хентайные имиджборды и читает гадкую порнографическую белиберду. Увы, паскудные картинки и ещё более паскудные тексты не помогают справиться с наваждением, развеять жгучий образ чёртовой училки.

Комната двоечника пропиталось запахом курева, травки, дешевого пива. Миха живёт один. Матери он даже не помнит.

Его папаша ещё в молодости начал карьеру альфонса, и даже был судим за двоеженство. Год назад он ушел к какой-то богатой тётке. У Михи идеальные отношения с отцом. Уже месяца три рожа гнусного брачного афериста не показывается на горизонте. Зато на карточку регулярно падают деньги. Старый сукин кот весьма одарён по дамской части. Кажется, его промысел приносит неплохие дивиденды.

Сом хмурится и наклоняется к монитору. Он пытается изгнать Нону Викторовну из головы. Он действует решительно, всеми силами – и углубляется в удивительно всратую мангу про пердящих членодевок.

Миха морщится, кривится, но стойко читает страницу за страницей. Он думает, что чтиво для законченных извращенцев поможет переключиться. Увы, все усилия тщетны. Миха материться себе под нос, пытается отыскать что-то позабористей – и в этот момент, раздаётся трель мобильного.

На связи одноклассница Ленка Казакова. Приятная во всех отношениях девица, к которой Миха регулярно и безуспешно подкатывает.

– Приве-е-е-ет, Сом. Чё как?

– Привет, да всё в норме...

– Слушай, Сом, такое дело... не хочешь съездить со мной в торговый центр? Тебе батя денег прислал? Не хочешь... ну там... проехаться, погулять? Ну, короче, пиво, мороженное?

В другой момент, Миха выпрыгнул бы из штанов от радости. Такое не предлагают каждый день! Так начинаются истории великой любви! Но сейчас – его романтические устремления направлены не туда, куда следует. Голос юного балбеса полностью лишен энтузиазма.

– Ленчик, да я комп чиню. Прикинь, комп сломался. А у меня учёба типа... учёба на компе. Давай в другой раз как-нибудь.

Повисает напряженная пауза. Затем из телефона вырывается разъярённое шипение. Кажется, Ленка не в духе.

– Что ты мелешь Сом?!! Какая учёба?!! Мы едем или нет?!!

– Не, сорян...

– Вот же конченный! Дрочишь на училку, вместе с остальными?!! Вот же мудака!!! Сука, даже не пиши мне в контакт!!! Нахер из друзьяшек!!! Я тебя в игнор добавлю, тупой пиздюк!!!

Раздаются гудки. Миха растерянно хмыкает, затем снова утыкается в экран. По какой-то странной причине, гневные речи не находят отклика в его сердце. Проходит десять минут – и мобильник снова начинает трястись и дребезжать. Раздаётся тот-же разгневанный голос.

– Сом, ты чё, берега потерял?!! Хера ты не перезваниваешь, тупой чёрт? Ты вообще уже?!! Хера не перезваниваешь?!!

– Ну э... ну... эээ... а фиги перезванивать... ты злая какая-то...

– Михаил Сомов! Слушай внимательно: иди-ка ты на хуй!!!

Раздаётся звук удара, треск, грохот. И снова гудки. Миха не успевает врубиться, за что ему досталось – как телефон звонит в третий раз. Вместо разъярённой одноклассницы, он слышит взволнованный голос Толстого.

– Открывай дверь. Буду через три минуты.

Толстый редко тусуется у друга. Родители Изи Куккенцукера дают отпрыску дрозда каждый раз, когда от того несёт табаком. Слава Богу, запах травы неизвестен этим интеллигентным людям. В берлоге Сомы трудно не провонять чёрт знает чем.

Раздаётся нетерпеливый стук в дверь. Изя сбрасывает обувь. Заходит в квартиру. Вместо приветствия, делает театральный жест и изрекает:

– Ты сейчас рухнешь! Погоди-ка, Сом, воючий ты поц! Давай проветрим.

Не дожидаясь ответа, Толстый шагает к окну, распахивает раму. По пути замечает картинку на мониторе – дикая мешанина из членов, сисек, и схематично нарисованного пердежа. Толстый хмыкает. Внимательно изучает произведение съехавшего азиатского художника. Затем поворачивается к Сому.

– Недурно, недурно. Я всегда знал, что ты человек высокой культуры. Теперь слушай сюда. Мне звонила новая училка! Ага, блядь? Не ожидал? Прикинь?!

– Да что ты несешь?

– Без шуток! Врубайся. Я сижу с маман и папан за обеденным столом. Звонит мобила. Я беру трубку без всякой задней мысли. А там... барабанная дробь... наша новая экономичка! Прикинь, прямо за столом! У меня аж всё подн... кхм, ладно.

– Хватит гнать.

– Завидуй, мой ревнивый друг! Пока ты тут марионовался, дрочила, я душевно общался с Ноной Викторовной. Слушай тему. Она звонит такая и говорит – дескать, Паша Сопля не появился в школе. Бери своего неумного друга, и сходите к нему. Проведайте товарища.

– Ты реально гонишь. Она бы предкам позвонила, а не однокласснику.

– Говорю, как есть! Одевайся, сходим к бедолаге. Тут дураку понятно, после фокуса со шлангом, девки довели его своими тупыми смехуёчками. Паша Сопля – нежная душа. Проведаем, потом отчитаемся училке. Наверняка, у неё ещё куча заданий для Изиамина Куккенцукера... хе-хе-хе... кхм... ты врубился, Сом? Ты понял, о чём я? У неё же есть мой телефон. Следишь за моей мыслью?

– Слюни подотри, упоротый... ладно, идём.

Миха и Изя стоят перед дверью одноклассника. Сом мнётся и думает об упущенных возможностях. Какого чёрта он не отправился с Ленкой? Что за наваждение? Как такое могло случиться? Вместо того, чтобы проводить время с девкой – он припёрся черт знает к кому! Чёрт знает зачем! Просто короткое замыкание в голове!

Изя решительно стучит. Дверь открывается. На пороге показывается пухлая тётка в халате и бигудях. Из комнаты вкусно пахнет борщом. Толстый решительно рапортует.

– Роза Сергеевна! Мы к Паше Сопл... кхм... можно зайти? Паша, говорят, приболел? Мы проведать. От лица всего класса, так сказать.

Тётка кивает, распахивает дверь.

– Он в спальне. Пашеньке нездоровиться. Нервный срыв. Экзамены скоро – дозубрился, бедный. Хоть бы гулял, паразит. Так нет, днями сидит, днями. Вы только там не шумите.

Через минуту Толстый и Миха оказываются рядом с болящим. В комнате темно. На софе, из кучи подушек и простыней, торчит бледный нос. Толстый прикрывает дверь, включает ночник, подсаживается к больному, и отечески шепчет.

– Слышь, Сопля, ты в норме? Хули разлёгся посреди дня?

Нос исчезает, через некоторое время над одеялом появляется бледное лицо Паши. Он дрожит и немного заикается.

– П-п-привет, пацаны...

– Ну? Живой? Давай, ёб твою, вставай. Мамка твоя волнуется. Хули ты приуныл? Хер забей на девок, можно подумать, тебя раньше мало заёбывали. Хули ты приуныл, я спрашиваю?

– Т-т-олстый, ты о чём?

– О твоём выступлении перед доской. Не парься, всё же в норме. Все мы как бы... хм... прореагировали... кхм... Нона Викторовна справлялась о твоём здоровье. Ты же в порядке? Какого ты тут прикидываешься? Давай, херов Обломов, воспрянь и пойдём!

Услышав имя новой училки, Паша Сопля выбирается из-под одеяла. Он в дурацкой розовой пижаме с единорогами. Закрывает лицо руками, и начинает медленно раскачиваться. Толстый переглядывается с Михой. Затем толкает друга локтем. Миха понимает – теперь его очередь рассказывать, что всё в норме. Сом делает, что может.

– Пашка, да перестань киснуть. Ты вообще красавая. Мужик! Кукан-Великан! Мужик, бля! Так держать!

Бледный как полотно Паша убирает руки от лица. Затем пристально смотрит на одноклассников. Его губы трясутся. Наконец, он собирает волю в кулак – и выпаливает.

– Парни. Я вам кое-что расскажу. Только обещайте, что не растреплете. Сом, с тобой всё в норме, ты кремень чувак. А ты Толстый – поклянись мамкой, что не распиздишь. Жопой своей еврейской поклянись. Просто побожись, что не распиздишь.

– Да что за глупости? Рассказывай уже.

– Побожись, Толстый.

– Клянусь! Клянусь, ёб твою! Херли ты тумана напустил?! Давай уже, выкладывай!

Паша Сопля снова начинает раскачиваться, сцепив пальцы в замок. Собравшись с духом, он начинает.

– Давайте только без ржача. И без тупых шуток. Ты понял, Толстый? Миха, въеби ему, если он начнёт ржать или глумиться. Короче, слушайте. Помните тот позор

ебучий, когда меня вызвали к доске? Просто ёбанный стыд. Так вот... я дождался звонка. Когда все свинтили – пошел в класс за своим барахлом. А она... ну, училка... сидит там и что-то пишет. Меня прям закачало, знаете, ну... неудобно, все дела. Она даже не смотрит. Говорит спокойно так – Кривопустов, зайди в учительскую после пар. Я спокойно собрал шмотки и свалил.

– Так она тебя не зажала? Не сцапала за брендспойт? А я то-надеялся!

– Заткнись, Толстый. Придурок, блядь. Слушайте дальше. После пар иду в учительскую. Она одна в кабинете. Захожу. Она такая говорит – дескать, Кривопустов, всё в норме, не нервничай, это естественно для молодого человека. И тон у неё такой, ну знаете... короче, меня аж потряхивает. Смотрю на эти сиськи арбузные – и меня ещё сильнее трясёт. Вообще ненормальные какие-то ощущения. Ну, вы понимаете? П-п-понимаете, о чём я? Хули ты лыбишься, Толстый?!

– Чувак, да успокойся. Мы всё понимаем. Ну? А дальше?!

– А дальше... она говорит, ладно, свободен. И даёт мне ведро, и...

– Какое, блядь, ведро?!!

– Ну, пластиковое мусорное ведро. Такое, в сеточку. Говорит, техничка перепутала, это не из кабинета ведро. Отнеси его в учительский туалет в левом крыле. Ну, где сейчас ремонт. Я думаю – фиг знает, может это такая воспитательная мера... фиг знает... беру, короче, ведро. Несу в толчёк. Только захожу, и сразу слышу – клац! Кто-то замкнул дверь снаружи. Я подёргал, подёргал... потом, думаю, ладно. Только два часа, может, кто из учителей спустится и откроет. А если нет – у меня телефон, кому-нибудь позвоню...

– И сколько там просидел?

– Не в этом дело. Я стою такой и тут – бац, вижу свет! Из кабинки свет. Открываю – а там в стене дыра. Дыра в гипсокартоне. Ну, между учительским мужским и дамским туалетом. А из дыры... как бы течёт розовый свет... или фиолетовый? Я туда заглянул – а там уже темно. И мне... как бы описать, чтобы вы поняли. Знаете, на меня нашло какое-то, ну, как-бы затмение. Короче, ладно. Я спустил штаны. И засунул хер в дыру. И мне кто-то отсосал. С той стороны кто-

то отсосал.

– Чего-о-о-оо!? Хули ты несёшь, эротоман ебучий?!!

– Клянусь, так и было. Я в конце чуть в обморок не упал. Это было просто... просто пиздец. У меня аж ноги отнялись. А теперь думаю... а что, если это не девка, а педофил? Ну, педофил, знаете, как в новостях?

Толстый и Сом переглядываются – и начинают ржать. Затем хором набрасываются на товарища.

– Паша, ты порнухи пересмотрел? Ты же ёбнулся, понимаешь? Какая дырка?! Какой педофил, идиот, тебе восемнадцать лет!!!

– Ну... ладно, не педофил. Может, просто гомик. Трудовик похож на гомика. Сами подумайте, кто еще такими делами занимается? Это пиздец, парни... я как из окна посмотрю в сторону школы, так меня трясти начинает...

Толстый встаёт. Хлопает Сома по плечу.

– Всё с тобой ясно. Ты, конечно, мудака. Мы нервничаем. Мамка твоя нервничает. Нона Викторовна нервничает. Все думают – вдруг, что серьёзное. Нахер тебя и твою смехопанараму!

– Пацаны, погодите... я серьёзно... вы не поняли, это не приколы...

– Мы-то всё поняли. Сука, юморист-самоучка. На хер ты вообще придумал эту зашварную историю? Ладно, валим. Отдыхай дальше. Тоже мне, невеста трудовика, ёб твою дивизию.

Не обращая внимания на протесты, Толстый и Миха покидают тёмную опочивальню. Уже на пороге, перед самой дверью, Толстый обращается к матери одноклассника.

– Роза Сергеевна! Это знаете, не душевное. Сыну бы вашему клизму поставить. Да побольше. У него, стыдно сказать, запор. Ваш Паша – чистойшей души человек. Скорее лопнет, чем в таком признается. Странные понятия у него.

Стеснительный парень, понимаете?

Тётка в бигудях убегает на кухню.

И возвращается с пригоршней конфет.

Вечером того же дня Миха снова сидит перед монитором. Раскачивается на стуле, глядя в потолок. Тупые рассказы Паши Сопли не выходят из головы.

Сом понимает – это выдумка. Весьма и весьма глупая выдумка. Но вот беда, часть этих бредней посвящена их знакомой красотке. Это она выбила зубрилу из колеи? Училка поселилась в его фантазиях? Жгучий образ вызвал эротоманский бред? Совершенно точно, Пашка бредит наяву. Чёртов лунатик. А он не лучше – разве следовало посылать Ленку? Вроде, Толстый в норме. Но кто его знает?

Похоже, новая училка подействовала на них как валерианка на кота. Сом барабанит по столу. Всего полтора часа на парах – и уже третий день, все его мысли крутятся вокруг этой... этой... этой великолепной, роскошной, бесподобной сучки! Его день начинается со стояка и мыслей о следующем уроки экономики – и заканчивается тем же!

– Твою же мать!

Миха выплёвывает крепкое слово. Закрывает кучу окон с порнухой – и открывает поиск. Набивает фамилию училки и номер школы. Через пять минут – находит её страничку в соцсетях. Всего пять фотографий. И, к сожалению, все крайне, крайне приличные. Тупая фотка с цветами. Тупая фотка на фоне школьной доски. Тупая фотка за рулём. Очередная тупая фотка – Нона Викторовна излучает эротические эманации, улыбаясь в камеру и потрясая каким-то педагогическим дипломом.

Сом берёт перерыв, изучает фотки и пускает слюни ровно десять минут. Но затем, снова возвращается к делу. Внимательно исследует страничку. Всего несколько друзей. В основном – учительский состав из его школы. Наконец, он обнаруживает кое-что странное.

Странице всего две недели.

Все фотографии сделаны несколько дней назад.

Ни данных об образовании. Ни адреса. Ничего!

Чёртова красotka – человек без истории!?

Миха проводит в поисковике остаток вечера. И ничего не находит. Он не знает, о чём и думать. Человек без социального следа в двадцать-первом веке?

Серьёзно? Разве такое бывает? Возможно, её прошлую страницу увели? Или взломали поклонники?

Через полчаса напряженных раздумий, Сом начинает мыслить категориями упоротой хентайной манги. Ах, как бы было славно найти любительскую порнуху с этой дамой! О, что за великолепные истории, где ученики шантажируют училку! А она яростно отсасывает похотливым школярам на каждой перемене, пуская по пять членов за каждую щеку! В какой-то момент маховик эротоманских фантазий раскручивается сверх всякой меры – и отрывается от земли. Сом подпрыгивает на стуле. Летит в душ, спуская на ходу шорты.

Шум воды заглушает отборная матершина – Миха с ужасом обнаруживает, что оказался с Пашей Соплём на одной волне!

Глава 3

Десятая школа возведена на пепелище. На фундаменте старой деревянной школы, сгоревшей в далёких семидесятых. С тех пор прошел не один десяток лет – но когда солнце нагревает землю, в классных комнатах и коридорах чувствуется неуловимый запах гари. Напоминание о скорбных днях Кривограда.

Весной семьдесят девятого года дым от горящих торфяных болот накрыл заводы и многоэтажки. Ядовитое белое облако поднялось над лесом. И затмило дневной свет. Языки пламени побежали через огороды и железнодорожные насыпи. Военные инженеры встали на защиту Второго Пищевого Реактора и химзаводов

на берегах реки Курнявки. Выкопали рвы, соорудили насосную станцию, взорвали пласты раскалённой земли над залежами торфяного кокса. Пожарные и солдаты сделали всё возможное, чтобы не подпустить огонь к городу.

Казалось, угроза миновала. Лучи солнца пробили пелену смога и гари. И тогда – случилось страшное. В самом центре города вспыхнула церковь семнадцатого века, построенная ещё волжскими поселенцами. Затем – школа, дом культуры, здание райсовета. Более сорока человек пропали без вести. Завалы разгребали неделями, но тела так и не нашли.

Фотографии пропавших хранятся в местном краеведческом музее. Рядом со снимками обугленных крестов на заброшенном лесном кладбище. Суеверные пенсионерки до сих пор шепчутся о вмешательстве злых сил.

Каждую весну в левом крыле школы начинается очередной ремонт. Областные власти снова и снова выделяют бюджет на эту затею. Злые языки говорят, что масляные рожи просто-напросто отмывают деньги.

Но есть и другая версия. Каждый раз, когда школьный сторож напивается – он рассказывает странную историю. Дескать, ремонт делают из года в год, на протяжении тридцати лет. С одной лишь целью – заглушить запах гари вонью красок и растворителей. И не дать бесам учуять школяров.

Почти неделю Миха предвкушает погружение в розовый пар. Не проходит и часа, чтобы он не думал о новой училке. Желание, любопытство, восхищение, и даже страх – он окончательно увяз в эротоманских фантазиях и конспирологических теориях собственного сочинения.

Миха просто-напросто влип.

Влип, как муха в варенье.

Наконец, наступает долгожданный день. День гнева и скорби для прекрасной половины одиннадцатого-Б – и пир для парней. Пир косых взглядов, праздник напряженного сопения, карнавал неконтролируемых стояков!

Сом наугад заталкивает в рюкзак несколько книжек. Достает из-под кровати затёртые тетради, что пылятся еще с шестого класса. И отправляется учиться.

По пути он встречает Толстого. Завязывается джентльменская беседа о сиськах и задницах. Затем – о дерзких и наивных планах на лучшие части Ноны Викторовны. Если бы почтенная мамаша Изи Куккенцукера услышала хотя-бы малую часть этой болтовни – её бы хватил инфаркт. Ничего не поделать: храм знаний осквернён и разрушен. Отныне это лужайка для сатурналий, алтарь Изиды, бесконечная сосисочная вечеринка – и один чёрт знает, что ещё.

Толстый всю дорогу без умолку болтает. Все его речи о том, как было бы здорово ссидить цистерну майонеза на задний двор Ноны Викторовны. Перед школьным крыльцом он затыкается. И переходит к свежим новостям.

– Сом, слышал новость? Завуч исчез.

– Да и хер с ним.

– Серьёзно, вчера менты были. Опрашивали публику из учительской. Говорят, если не найдут за три дня – будут официально объявлять поиск. Прикинь?

– Толстый, ладно. Я отскочу. Надо с Ленкой перетереть.

– Пиздуй, Ромео.

Изя исчезает в вестибюле.

Миха направляется к прокуренной беседке в дальнем конце школьного двора.

Лена Казакова, дежурная любовь Сомова, тусуется с подружками. Половина девок клацает в телефоне, другая половина пускает дым. Сом намеревается извиниться и объяснить перед своей пассией. Он не утратил связь с реальностью. Можно сколько угодно фантазировать, но фантазии останутся фантазиями. Шансы зажать Ленку не особо высоки. Но их нельзя не рассматривать. Михе растягивает рожу в заискивающей улыбке. Подходит к

стайке девчат. И пытается выяснить, как сильно упали его акции.

– Бонжур, дамы... бонжур, Ленчик. Можно тебя на пять секунд?

Ленка молча поворачивается к Сому спиной. И продолжает ковыряться в телефоне, словно его и нет.

– Ёб твою дивизию, килька ебучая... – ласково думает Миха.

Увы, обиженная девчонка в своём праве. Сом интуитивно понимает, что самая выигрышная стратегия – извинения и рассказы о любви перед её подругами. Раскаивающийся кавалер – вот лучший способ поднять самооценку ветреной кокетки, вызвать зависть у её подруг, и всё из этой оперы. Сом не читал Мопасана и Стендаля, не имел большого опыта с дамами, зато понимает интуитивно, как работают механизмы девичьей души. Расчёт верен. И план хорош. Ложь, лесть, и восхищение.

– Ленчик, ну перестань. Понимаешь, были дела... комп сгорел. Реально, пламя, дым, искры. Пиздец просто, сколько дыма. Клянусь, так и было. Я сижу весь в ахуе, всё горит, кругом дым – и ты звонишь. Ну не сердись. Ну чё ты, кисуля? Ты же знаешь, как я к тебе отношусь. Ну перестань, кисуля. Я только о тебе думаю двадцать четыре часа в сутки. Ну же, кисуля? Кисуля? Ну, кисуля? Уже пиздую за цветами, на крыльях любви. Ну же, кисуля? Ну, Ленчик, кисуля?

Девки начинают хихикать и ржать. Миха чешет в меру своих способностей. Но в его лирических посланиях лишь холодный расчёт. Он брешет и переигрывает. Ленка чует фальшь. Вместо того, чтобы сменить гнев на милость – она начинает перегреваться. Поворачивается к Сому. И вываливает на него весь яд, скопившийся за последнюю неделю.

– Хватит пиздеть. Хватит, блядь, пиздеть. Я знаю, о ком ты думаешь. О ком вы все думаете, кретины. Весь класс – одни драчили. Как же вы все заебали! Как же ты заебал! Пошел ты, Сом!

– Ну не кипятись, кисуля...

– На хуй! Беги в класс, мудила! Беги, пускай слюни на эту корову!

– Кисуля, ну ты вообще. Ты что, ревнуешь к училке? Серьёзно? Кисуля, это даже звучит глупо. Просто по-ебанутому звучит. Только послушай себя, кисуля...

– Что?!! Кого ревную?!! Тебя?!! Ну-ка пошел на хуй отсюда!!! Даже не подходи ко мне!!! Дрочуны, блядь!!! Сборище дрочил!!! Тупой гад, блядь!!!

– Перестань, кисуля, нормально же общались...

Ленка краснеет от гнева и обиды. Сжимает кулаки и чуть ли не прыгает на месте. Девки перестают ржать. Осуждающе пялятся на Сому. Все без исключения парни переключились на горячую училку – и несчастные сучки остались без внимания. Воистину, игнорирование – худшая форма оскорбления. Мухомов понимает, что здесь делать нечего.

– Ладно, ладно... приятного дня, дамы... спасибо, что уделите время... было очень приятно пообщаться. Пока, кисуля. Я позвоню. Только бери трубку, не будь мандой. Пардон, случайно вырвалось, это не в твой адрес... я хотел сказать, возьми трубку, пожалуйста. Ладно, кисуля? Хорошо, кисуля?

Сом пятится назад, мямля «кисуля, кисуля, кисуля».

Затем разворачивается и ускоряет шаг. До коллективного randevu с Ноной Викторовной еще полчаса. Перед уроком надо кое-что проверить. После – уже не получится. Все мысли будут лишь о том, как добежать домой и задать удаву трёпку.

Сом спешит на третий этаж. Бодрой походкой направляется в левое крыло здания. Минует коридор, залепленный распечатками с надписью «Окрашено». Вдоль стен стоят заляпанные леса. На электрическом щите жгут из толстой проволоки, свинцовая пломба, и такая же распечатка – «Не открывать!!!». Сейчас полдень, но в помещении темно. Окна выходят на теневую сторону. Лучи солнца теряются в кронах тополей. Строителей не видно. Вроде бы они работают вечерами, когда ученики расходятся по домам.

Миха проходит мимо запертых классных комнат. Останавливается перед надписью «Только для преподавательского состава». Под надписью две двери – на одной трафарет человечка в шляпе. На другой – буква «Ж».

Он хочет удостовериться, что история Паши Сопли рождена больной фантазией. Удостовериться и выкинуть глупые бредни из головы. Сом открывает дверь в мужской санузел. Нашаривает выключатель. Щелкает. Свет не включается. Он заходит, но не отпускает ручку. Застывает на несколько секунд, не решаясь затворить за собой дверь. Из желтого окна льётся тусклый свет. В сотне метров отсюда – чёртова куча народу. Носятся по коридорам, болтают, протирают зады за партами. Обычная школьная суeta. А здесь тихо. И даже жутко.

Сом идет вдоль кабинок. И сразу находит улику. Останавливается напротив второй двери от выхода. Над сантехническим выводом – белое пятно на некрашеном гипсокартоне. Он прикладывает к пятну указательный палец. Чувствует влагу от свежей шпатлёвки. Дыру недавно замазали. Это ничего не доказывает. И это ничего не опровергает. Просто дырка в стене. Юный сыщик встряхивает головой, бормочет себе под нос.

– Херов Пуаро, твою мать... тупая идея... ладно, хрен с вами...

Пытливый ум охватывает странная тревога. И вместе с этим – Миха чувствует себя дураком. Как можно всерьёз думать о болтовне Паши Сопли? Хорошо, что Толстый не знает о расследовании. Это бы дало повод для тупых шуток на год вперёд.

Миха вздыхает, хлопает дверью – и спешит к делам насущным.

– Казакова! Так, где Казакова? Нет? Пропуск!

– Иванова! Кто знает, где Иванова?! Отсутствует?

– Астахова?! Жилина?! Гусева?! Пропуск! Пропуск! Пропуск! Кто мне скажет, что здесь происходит? Никто не скажет?

Нона Викторовна читает фамилии из журнала. В классе полно пустых стульев. Девки просто-напросто не явились на урок. Не только профурсетки из Ленкиной компании – но и почти все остальные. Неслыханная наглость, самый настоящий саботаж! Возможно, им надоело смотреть, как с высунутых языков капает слюна. Возможно, окаменевшие члены одноклассников создают биологическую угрозу. Возможно, экономическая наука плохо влияет на самооценку.

Остатки одиннадцатого-Б ждут скандала, бури, грома и молнии. Но училка не показывает недовольства или возмущения. Не спешит устраивать панику из-за бунта на корабле, бежать в учительскую, вызывать в школу табун предков. Она дочитывает список, даже не отмечая отсутствующих. И оглядывает класс поверх очков со странной улыбкой, задерживая взгляд на каждом ученике. Это выглядит так, будто заботливый фермер считает своих кроликов, выбирая тушку пожирней.

– Так, мальчики. Плохая новость – кое-кто собрался сорвать урок. Хорошая новость – сегодня занимаемся в узком кругу. Зорина и Дорохова! А вы почему здесь?

Училка обращается к девчонкам, что не участвуют во всеобщей забастовке. Штрейкбрехеров всего двое.

Вика Зорина – легкоатлетка, призёр соревнований по метанию копья и звезда настольного пинг-понга. Совершенно незамутнённая девица, далёкая от интриг, амурных дел, жестов коллективного неповиновения, курева на переменах, и прочей ерунды. Она непонимающе смотрит в сторону доски. На её лице отражается напряженная работа мысли. Наконец, Зорина врубается. Открывает дневник. Читает расписание, затем рапортует.

– Нона Викторовна, так третья пара же. Экономика в двенадцатом кабинете. Всё правильно.

– Молодец, Зорина. Хоть кто-то не отвлекается от учёбы. Дорохова, а с тобой что не так?

– А я не тусуюсь с этими тупыми сучками. Пошли они в жопу.

– Следи за языком, Дорохова!

Жанна Дорохова – худая и вечно хмурая девка, обладательница коллекции маек с лейблами блэк-метал команд. Искренне считает всех одноклассников идиотами и конформистами. Характер скверный. Социальные навыки скверные. Манеры ещё более скверные. Называет Сому не иначе как «сраный упырь», Пашу Соплю «сраный мелкий упырь», Толстого «сраный еврейский упырь». Покупает траву у того же узбека, у которого отоваривается Миха.

Пока училка разбирается со списком учеников, Миха и Толстый пожирают роскошную бестию глазами. И возносятся на седьмое небо от счастья.

Похоже, Нона Викторовна решила окончательно добить класс. Она явилась в дьявольски-узких джинсах. Настолько узких, что вот-вот ворвётся полиция нравов, и арестует её за растление всех и каждого.

Словно этого мало – баскетбольные мячи с трудом удерживает тонкая кофта, под которой отчетливо выделяется бюстгальтер. Верхняя часть груди не помещается в чашечки. Упругая плоть сопротивляется оковам, пытается выбраться на свет божий. С каждым вздохом училки, температура в классе поднимается на несколько градусов. Наконец, раздаётся её голос, обещающий миллион лет блаженства.

– Сегодня тест. Проверим ваши знания. Кто дежурный? Дежурный, раздай задания! Ладно, сидите. Я сама раздам.

Горячая бестия потрясает стопкой распечаток. Затем встаёт – и шествует вдоль парт, кидая на столы листки с тестами. Обтянутая джинсой роскошная задница плывёт мимо счастливых с алыми ушами. Праздник приходит в каждый дом!

Наконец, черёд Михаила Сомова. Заботливая учительница доходит до последней парты. Над лицом Сомы нависает грандиозный бюст. Училка наклоняется, и опускает листок перед оцепеневшим двоечником. Упругая грудь на секунду прижимается к его плечу. Миха слышит удар откуда-то снизу – это его член пытается разнести казнённое имущество в пух и прах! Разломить парту надвое!

Нона Викторовна стучит ногтем по распечатке.

– Так, Сомов, ты у нас отстающий? Внимательно изучи каждый пункт. Понятно? Не спеши чёркать.

Училка разворачивается – и Миха внимательно изучает единственный пункт, который имеет значение. В метре от счастливого засранца покачивается и удаляется грандиозная задница. Он пялится на роскошные булки с такой адовой силой, с таким жаром, с такой самоотдачей, что его взгляд способен испарить ткань, словно мегаватный лазер.

Минута идёт за минутой. Никто и не думает ставить галочки в тесте. Роковая красotka безбожно терзает аудиторию. Происходит кое-что странное, неправильное – и замечательное. Урок экономики превращается в череду дьявольских испытаний.

Нона Викторовна подходит к доске.

Берёт мел.

И тут же его роняет!

Поворачивается к классу спиной. Медленно наклоняется. Тянется к белому прямоугольнику, оттопыривая упругий круглую задницу. На джинсах не видно следов от белья. Ткань натягивается, вонзается в эту красоту, и разделяет мощные булки. Массивная, безбожно прекрасная жопа затягивает взгляды, умы и души, словно чёрная дыра!

Здесь совершается преступление!!!

В течение урока голубоглазая бестия роняет мел ровно семь раз.

Некоторые засранцы решают заснять представление на телефон. Украдкой возятся с мобильниками. По какой-то странной причине, Нона Викторовна их не замечает. И никого не выгоняет из класса. От полноты ощущений, у одного из учеников случается астматический приступ. Он не спешит в медпункт, боясь пропустить главное зрелище в своей жизни.

Пара близится к концу. Сом чувствует себя так, словно его полтора часа запекали в духовке. Внезапно, ему в лоб прилетает бумажный шарик. Миха наконец-то обращает внимание на Толстого. Толстый кивает на двух девчонок, оставшихся в классе.

Юлька Зорина катает по столу карандаш и проверяет тест. Кажется, она не чувствует, что солнце вот-вот упадёт на землю, моря вскипят, а горы обратятся в пепел.

Зато Дорохова выглядит словно рак из скороварки. Она неотрывно пялится на училку. И ёрзает, нервно поправляя ярко-синие крашенные патлы.

Толстый многозначительно подмигивает Михе. Но тому нет дела до этих сигналов. Есть зрелище куда более занимательное, чем худосочная лесбуха-металистка. В руке Ноны Викторовны её очки. Дужка касается приоткрытых пухлых губ. Сом на долю секунды встречается с томным взглядом голубых глаз. И понимает, что сейчас взорвётся! Превратится в облако из фарша и кипящей спермы!

Звонок раздаётся за секунду до катастрофы.

– Дежурный, собрать тесты! Молодцы, отлично поработали. Жарковато сегодня, да, ребята?

Измочаленные школяры даже не понимают, о какой работе и о каких тестах идёт речь. Нона Викторовна чертовски права – сегодня действительно жарко.

Ученики отрывают от стульев взмокшие зады. Поворачиваются лицом к выходу, спиной к училке. Крабьей походкой медленно выползают из классной комнаты. Миха пытается совершить этот манёвр вместе со всеми. В этот момент, раздаётся гром среди ясного неба.

– Куккенцукер!

– Сомов!

– Задержитесь.

Дьявольское создание опускается в учительское кресло, закидывает ногу за ногу – и начинает возню с бумагами. Сом и Толстый недоуменно переглядываются. В их головах бурлит коктейль из смущения, растерянности, надежды – и кадров из самых грязных порнофильмов.

Последний ученик выходит из класса, бросая на оставшихся взгляд, полный чёрной зависти. Нона Викторовна отрывается от бумаг. Расслабленно откидывается на спинку кресла. От этого движения могучий бюст создаёт сейсмическую волну.

– Сомов, закрой дверь. Оба – идите сюда.

Толстый и Сом вскакивают как по команде. И всё так же боком передвигаются по классу, едва не переворачивая парты стояками. Охотница за мелом или не замечает этого безобразия, или входит в положение.

– Сядьте напротив. Давайте, юноши, за первую парту.

Глава 4

Миха и Толстый сидят перед учительским столом. Они смущены, растеряны, и чертовски взбудоражены. Похотливые засранцы чувствуют иррациональную надежду, что сегодня им повезёт. Но даже не представляют, как такое может случиться. В перегретых головах крутится бесконечный порноролик. Бесконечный калейдоскоп из бюстов, задниц, томных вздохов, сочных поцелуев и водопадов спермы. Каждая секунда рядом с роскошной бестией добавляет новые сцены в этот кукольный театр.

Время идёт. Голубоглазая красотка улыбается и молчит. Школяры не решаются поднять глаза на роскошные формы. И не решаются спросить, какого черта они здесь делают. Толстый неотрывно пялится в окно. Сом косится на портрет Чехова. Молчание затягивается. Наконец, Ноне Викторовне надоедает тратить своё время. Она ставит локти на стол, наклоняется к ученикам. И томным голосом произносит одно лишь слово.

– Итак?

Толстый и Миха открывают рты. Замирают, не зная, как быть и что делать. Каша в головах начинает закипать. Мельница низменных фантазий крутится со сверхзвуковой скоростью. Они переглядываются. За долю секунду между похотливыми засранцами происходит напряженный мысленный диалог.

Что «итак»?!

Что, чёрт возьми, значит «итак»?!!

После фокусов с мелом невозможно взять, и сказать «итак» без всякой задней мысли!

Это вызов!

Это сигнал!

Это приглашение!

«Итак» не может быть просто так!

Нет никаких сомнений – Нона Викторовна жаждет любви! Жаждет здесь и сейчас! Столько плоти, столько страсти, столько упругой мощи! Совершенно точно – чертова бестия желает всего и сразу! Умопомрачительная, роскошная, горячая тридцатилетняя сука хочет трахнуть сразу двоих юных засранцев! Хочет так сильно, что весь день крутит задом! «Итак» – это не намёк! Это настойчивое и ясное требование! Требование немедленно подключить шланги! Немедленно врубить насосы! Немедленно заправить баки! Завалить похотливую красотку на учительский стол! Вцепиться в бёдра! Впить в бюст! Вгрызться в задницу! Погрузиться в манду! Ворваться в жопу! Затолкать в рот два члена разом! Засунуть в неё всё, что только можно засунуть! Рубикон перейден! Осталось лишь набраться смелости, сорвать портки и прыгнуть с хером наперевес! Осталось лишь решиться!

Эрос трубит в золотой рог, взывая к героям!!!

Это испытание!!!

Испытание духа!!!

Испытание мужественности!!!

Кто первый соберёт волю в кулак, переступит смущение, забудет о приличиях, отринет правила – и возьмётся за эти грандиозные округлости?!!

Миха и Толстый теряют связь с реальностью. Их телепатическое общение затягивается. Нона Викторовна подаётся вперёд, расплющивая бюстом классный журнал. На полных чувственных губах играет странная улыбка. Она оценивающе разглядывает своих учеников. Проходит миллион лет, и беспощадная бестия снова забрасывает удочку.

– Итак, юноши?

Толстый впадает в ещё более глубокий ступор. Зато у Сомы перегорают предохранитель. Он с отсутствующим выражением поворачивается к училке. И, словно лунатик, медленно тянет руку через стол. Он на полном серьёзе собирается проверить упругость груди Ноны Викторовны! Просто-напросто сцапать её за бюст!

Училка бросает на Михаила Сомова холодный взгляд. Её голос спокоен, словно ничего не происходит. Словно класс не объят розовым туманом и адским пламенем.

– Сомов, зачем тебе классный журнал? Ты сегодня дежурный? Я сама отнесу в учительскую. Итак – вы были у Паши Кривопуста? Он здоров? Почему прогуливает?

Миха замирает, словно соляной столб. И так же медленно тянет клешню обратно. В его взгляде появляются проблески мысли. Пальцы всё ещё делают хватательные движения – а он понимает, что окончательно выжил из ума. Перед мысленным взором появляется газетный заголовок. «Скандал в Кривограде. Выпускник сексуально атаковал учительницу старших классов. Преступник взят под стражу. Общественность требует максимального срока для омерзительного

извращенца. Президент произносит речь о глубоком кризисе системы образования». Миха холодеет от ужаса. Господь и Иисус Христос! Он едва не совершил непоправимое!!!

Рядом воскресает Толстый. На лице Изя застыло выражение обиды. Смертельной обиды. Дикие надежды рухнули. И погребли под собой несчастного засранца. Зато его речевые центры снова работают.

– Конечно... конечно, Нона Викторовна... в тот же день сходили. Он в норме. Всё нормально у Паши Сопли... я хотел сказать, у Кривопустава.

– Перестань называть товарища этим словом. Очень некрасиво. Павла не было ровно три дня. Ни на одном уроке. Что случилось? Вы точно у него были?

Миха рад, что Толстый не потерял способность чесать языком. Сам он не в состоянии вымолвить и слова. Пусть Изя разбирается с тупой историей про дыру. На то и дан могучий еврейский ум. Пусть сочиняет. Пусть отдувается.

– Ну он... как-бы... эээ... ему, как бы... психологически нездоровиться.

– Куккенцукер, хватит мямлить. Он болен? Справка есть от врача?

– Да не болен Сопля... извините. Да не болен Пашка. У него... ну... он переучился просто. Зубрил, зубрил, зубрил – и приехал. Дозубрился. Экзаменационная лихорадка, понимаете...

– Это не повод пропускать занятия. Ты чего-то не договариваешь. Изя Куккенцукер, я по глазам вижу. Перестань немедленно мямлить. Ещё раз спрашиваю – что с Павлом?!

Толстый пугается требовательного тона, грозного покачивания могучей груди. И начинает колотиться.

– У него неврастения. Навязчивые идеи. У него, Нона Викторовна, страх перед педофилами. Ну, типа фобия такая. Клинический педофильский испуг.

– Что это значит? Куккенцукер, ну-ка смотри мне в глаза!

– Ну, он зашуган. В смысле, напуган. Говорит, дескать, в учительском туалете... ну... где ремонт... его схватил кто-то... кхм... кхм... эмм... кхм... эмм... за детородный орган. Простите, Нона Викторовна. Вот говорю как есть. Извините, пожалуйста.

Миха понимает – снова творится что-то неладное. Училка реагирует на речи Толстого странным образом. Она не возмущается. И не продолжает расспросы. Голубоглазая бестия кивает с уже знакомой улыбкой. Словно так и должно быть. Её улыбку трудно прочесть. Одобрение? Или... откровенный флирт? Нет, нет, нет! Прочь эти мысли! Прочь, пока рука снова не потянулась через стол! Не начала действовать отдельно от мозга!

Нона Викторовна смотрит на учеников поверх очков. Её голос звучит совершенно официально.

– Будем надеяться, Павел придёт в норму до конца недели. Что касается этой глупой истории – не берите в голову, ребята. Видимо, переутомление. Учительский состав Десятой Школы – педагоги с безупречной репутацией. Здесь нет и не может быть половых извращенцев. Сегодня в час дня прогуляйтесь в санузел на третьем этаже. И сами в этом убедитесь. Спасибо, что навестили Павла. Передавайте ему мой привет. И пожелание скорейшего выздоровления. А теперь – свободны! Давайте, юноши, не опаздывайте на следующий урок.

Училка встаёт. Берет журнал. Удаляется из классной комнаты, цокая каблуками и энергично качая бёдрами.

Толстый тяжело вздыхает. Сом слышит его рассеянный голос.

– Пиздец... просто пиздец. Пиздец без конца и края. Миха, ты там в штаны не спустил, дровича? Всё, на хер пары, я домой. Господи, вот это жопа... вот это жара...

Сом оторопело молчит. Толстый кое-что пропустил мимо ушей.

Час дня. Третий этаж. Учительский санузел.

Это фигура речи?

Или... место и время?

Экономику прогуляли почти все девчонки.

Пары после экономики прогуляли почти все парни.

Лишь Михаил Сомов, главный лоботряс одиннадцатого-Б класса, остался в стенах родной школы. Он сидит в беседке за спортивной площадкой. Смотрит, как на экране мобильного призывно качаются ягодицы Ноны Викторовны.

Какой-то анонимус, дай бог ему здоровья, создал телеграмм-канал. Джентльменский клуб, посвященный экономической науке. Озорники из Десятой Школы закинули туда целых пять роликов. Виды со спины сняты трясущимися руками. Эти материалы не отличаются качеством и разнообразием. Миха с досадой вздыхает. Такая задница заслуживает самой лучшей камеры, самого лучшего света.

Он пытается понять, какого чёрта у всего класса едет крыша. Нет, у всей школы! Ладно, это простой вопрос. Причина очевидна. Но почему крыша едет так сильно?

Вопрос второй и главный – что означают недавно сказанные слова?

Место и время?

Время и место?

Миха смотрит на часы каждые пять секунд. Толстый не придавал значения напутствию Ноны Викторовны. И свалил домой. Миха чувствует нужду перетереть с другом, открыть свои мысли. Но он знает, что услышит. В воображении звучит ехидный голос со стереотипным еврейским акцентом – «Обсуди это с Пашей Соплей. А потом сочините гимн для союза тупых пиздюков! Бред! Бред! Бред! Тупые фантазии заразны! Чувак, ты официально упорот!!!».

Он мысленно посылает Толстого на хер. В конце концов, это займёт пять минут. Разве проблема – почувствовать себя дураком второй раз за день?

Миха проверяет сигнал и зарядку на телефоне. Если техничка или какой-то шутник закроют дверь в санузел – он позвонит сторожу, директору школы, в пожарку, в милицию, в газовую службу, в роскосмос – куда угодно. Он не собирается торчать здесь часами. Тупые, бесконечно тупые опасения.

Он заходит в дверь с силуэтом в шляпе. Часы на мобильнике показывают ровно час. Пунктуальность – качество настоящего джентльмена.

Сом достаёт зажигалку. Вытаскивает из пачки сигарету. Замечает мерцание датчика пожарной сигнализации. Недовольно хмыкает. Шагает вдоль пластиковых дверей. Толкает ручку.

Пусто.

Пусто.

И здесь пусто.

Нона Викторовна не соврала. Действительно, никаких извращенцев. Миха шутит в уме, улыбается, и идёт на выход. Остаётся кабинка с пятном штукатурки на стене. Дверца со скрипом открывается. Миха вздрагивает. И роняет сигарету.

В стене зияет дыра.

Дыра из мутных эскапад Паши Сопли. Слишком узкая, чтобы просунуть голову. Кто-то здесь недавно побывал. Кто-то расковырял штукатурку и гипсокартон. Мало того – прямо над дырой появился неприличный рисунок. Мужской половой хер, нарисованный быстрым росчерком мела. Точно такой, как малолетняя шпана рисует в учебниках и на партах.

Под рисунком стрелка.

Стрелка указывает на дыру.

Сом пятится, думая, что дверь вот-вот защёлкнется! Прыгает к выходу, хватая ручку – и оказывается в коридоре! Его сердце бьется, на лбу выступает пот. В следующую секунду он уже матерится на чём свет стоит. Дожили: Михаил Сомов пугается наскальных рисунков. Он оглядывается, и заходит обратно. Закрывается изнутри на защёлку. И снова оказывается перед дырой. Миха глупо себя чувствует. Но вместе с этим – он ощущает странное, ненормальное возбуждение.

Он наклоняется, осторожно заглядывает. На той стороне темно. Затем собирается с духом. Осторожно стучит по гипсокартону.

– Бонжур? Там кто-нибудь есть?

Разумеется, он не получает ответа.

Но в следующую секунду – раздаётся такой же тихий стук!!!

У Миши останавливается сердце. И снова начинает биться, со скоростью миллион ударов в минуту. Кровь моментально приливает к лицу. Он наконец-то понимает, что здесь происходит! Он читал о таком в упоротой хентайной манге! Читал сотни раз!

На него обрушивается страшный, судьбоносный вопрос – кто на той стороне?! Гомик или не гомик?!! Нет, нет, нет! Это не может быть гомик! Паша Сопля почувствовал бы моржовые усы трудовика. Там должна быть девка. Просто обязана! Наверняка, какая то профурсетка разнообразит свою личную жизнь. Возможно – его одноклассница! Или стеснительная отличница-недотрога! Или надменная сучка из Ленкиной тусовки!

Миха разрывается между тревожными сомнениями и желанием приключений. В другое время, благоразумие могло бы восторжествовать. Увы, после урока экономики – бес оказывается сильнее ангела. Похотливый засранец трясётся от неконтролируемого стояка.

Но Михаил Сомов не теряет разум.

Его моральные принципы твёрже самой твёрдой стали.

Он решает поговорить с дырой. Заходит в кабинку. Закрывает за собой дверь. Наклоняется. И, всматриваясь в темноту, начинает приглушенно шептать.

– Кисуля? Ты там? Скажи, кисуля, ты ведь девушка? Ты же не мужик? Знаю, знаю, не хочешь, чтобы узнали по голосу. Пожалуйста, стукни два раза, если девушка. Окей? А если мужик – без обид, не обижайся, братан, я не по этим делам. Но я всё понимаю. Я пиздец какой толерантный человек. Кисуля, если ты мужик – вообще не стучи! Лады? Давай, братан, только без обмана! Я тебя прошу, как нормальный мужик нормального мужика, не надо вот знаешь... ну... прятаться под дамской личиной. Окей? Договорились? Только не стучи, братюня! Договорились, братан?

Раздаётся громкий, настойчивый, нетерпеливый стук!

Затем ещё раз!

И ещё!

Сом решается. Медлить попросту невозможно – хер стоит со страшной сатанинской силой. Он проверяет, закрыта ли дверь в кабинку. Дрожащими руками расстёгивает ремень. Спускает брюки вместе с бельём. Поколебавшись долю секунды, решительно шагает к дыре. И погружает свой банан во тьму.

Счастливый засранец трясётся от предвкушения и полноты чувств. В этот раз – Судьба поворачивается к нему лицом.

Без всяких прелюдий, без всяких реверансов, крепкие пальцы берутся за основание члена! Стискивают яйца вместе со стволом – и затягивают в дыру! Сом вскрикивает, теряет равновесие, едва не втыкается лбом в гипсокартон! Он хватается за стенки кабинки, рефлекторно пытается вырваться – но не тут-то было! Кто-то держит его муде железной хваткой! Миха едва не верещит от ужаса!

Он слышит громкий и смачный плевок.

Чувствует, как слюна обжигает его ствол!

Крик превращается в стон. Член встречается с горячей плотью. Что-то упругое и быстрое скользит по вздувшимся венам. Снова раздаются плевки. Язык и пальцы размазывают кипящую слюну, увлажняют ствол до самых яиц. Сом чувствует, как тяжелое дыхание достигает его кожи. Окна и потолок плывут перед глазами. Неестественно длинный язык обвивается вокруг члена, словно змея. Но Миха слишком взбудоражен, чтобы заподозрить неладное.

Губы обхватывают каменную головку. С причмокиванием принимают гостя. И сразу начинают двигаться. Ритмично, уверенно, ускоряясь с каждой секундой. Жадный рот вбирает перегретую плоть. Вздрыбленный член счастливого засранца проваливается в тугое пульсирующее кольцо. Проваливается глубже и глубже.

Это не похоже на нежные игры.

Это не похоже на сладострастные затеи любовников.

За перегородкой раздаётся громкое настойчивое хлюпанье. Таинственная незнакомка отсасывает жадно и напористо. Она не ласкает – но умело стимулирует член, постоянно увеличивает темп. Пытается как можно скорее получить свой белковый коктейль. Просто-напросто доит шокированного двоечника ртом!

В голове у Сомы абсолютная пустота. Шок уходит на второй план. Он возносится на седьмое небо. Растворяется в громких влажных звуках. Увы, это не может продолжаться бесконечно. Слишком много впечатлений после урока экономики. Слишком умелая барышня по ту сторону дыры.

Самые счастливые тридцать секунд его жизни проносятся, как один миг.

Юный джентльмен мычит и хрипит, словно собрался на тот свет.

Тугая и мощная струя бьёт в глотку проголодавшейся даме. Ноги кавалера подкашиваются. Задницу сводит судорогой. Но членососка за стеной даже не думает бросать своё дело. Кольцо тугих губ крепко держит пульсирующий

шланг, не выпуская слюну и семя. Она ухитряется глотать – и одновременно массирует брендспойт губами, стараясь высосать как можно больше спермы. Сколько опыта! Сколько таланта! Сколько усердия!

Миха плывёт. Держится за стену. Конвульсивно спускает порцию за порцией, опустошает яйца в жадный рот. Наконец, гейзер иссякает. Движения губ замедляются. Причмокивающие звуки стихают. Ненасытное создание обсасывает член, собирает губами последние капли семени. И выпускает кавалера из плена, даже не поцеловав на прощание.

Сом оказывается в тишине и полной прострации. Он с трудом находит силы отшпугнуть от дыры. Хер блестит от слюны. Миха пытается отдышаться. И натянуть брюки дрожащими руками.

Он шагает к выходу. Отпирает дверь. Плетётся на ватных ногах, держась за стену. Бредёт с блаженной улыбкой. Приключения ещё предстоит осмыслить и пережить. А сейчас – он чувствует лишь звенящую пустоту в яйцах и голове. Но впереди ещё одно испытание. Почти выйдя из коридора, он слышит, как за спиной хлопает дверь. Дверь учительского санузла.

И раздаётся... знакомое цоканье каблучков?!

Михаил Сомов замирает, как кролик перед удавом. Он не решается оглянуться.

Шаги приближаются.

Цок. Цок. Цок.

Эхо отражается от стен и усиливает звук. Ближе и ближе. Миха забывает, как дышать.

Цоканье совсем рядом. На расстоянии вытянутой руки.

Нона Викторовна проходит мимо. Своей обычной походкой, энергичной и целеустремлённой, качая бёдрами и ягодицами. В руке блестит зеркальце из

косметички. Тюбик увлажняющей помады скользит по губам. Она на ходу занимается собой, даже не обращая внимания на застывшего ученика. Миха улавливает шлейф тяжелого мускусного запаха. Через десяток шагов раздаётся металлический щелчок. Косметичка закрывается. Цоканье отдаётся и затихает.

Факты. Речи. Истории. Намёки. Образы. Не надо быть Шерлоком. Мозаика складывается сама собой. Только есть проблема. Некоторые ответы не могут быть правдой. Это очередное помутнение разума. Это очередной слой розового тумана. Миха пытается справиться с шумом в голове. Но сделать это совсем не просто.

Глава 5

Михаила Сомова трудно заподозрить в любви к знаниям. Физика, химия, математика, любая точная дисциплина – погружают его в тоску. Гуманитарные науки вызывают крепкий и долгий сон, близкий к летаргическому.

У нормальных, приличных людей, школьная программа выветривается из головы, как только в руках оказывается свидетельство о среднем образовании. Михаил Сомов не таков. Он с малых лет оберегает ум от постылого, скучного и ненужного.

Да, он не хватает с неба звёзд. Его можно назвать балбесом, неучем, говнюком, мудаком и пиздюком.

Но нельзя назвать дураком.

Миха слишком рано стал самостоятельным. В те редкие и счастливые часы, когда он не был предоставлен самому себе, им занималась не любящая мать – а бесконечная череда папиных подруг, поклонниц и любовниц. Никто не мыл его задницу на постоянной основе. Никто не запихивал кашу. Никто не говорил, когда ложиться спать. Никто не заставлял делать уроки. Необходимость найти себе еду, туалетную бумагу, занятие и развлечение – вот что сформировало ментальную сферу этого юноши. Каким-то чудом он не засунул пальцы в

розетку. Не выпал из окна. И даже ухитрился ни разу не остаться на второй год.

Этот парень умеет связывать одно с другим. Он способен к наблюдению, анализу, осмыслению, и даже пониманию. Логический аппарат Михаила Сомова закалён сериалами, боевиками, игрой в приставку, дешевым палп-фикшеном, дешевой эротикой, дешевыми триллерами, дешевыми детективными романами, и тому подобным дерьмом. Он понимает механизмы, которые управляют миром и человеком.

Разумеется, понимает лишь в тех случаях, когда дело не касается его самого.

Миха пережил приключения в санузле с менее травмирующими последствиями, чем Паша Сопля. Он не пытается спрятаться под одеялом. И не боится выглядывать в окно. Само-собой, экскурсия в умелый и настойчивый рот не прошла бесследно. Счастливый засранец чертовски доволен собой. Однако, сбит с толку, растерян, и полностью дезориентирован.

Любой на его месте скакал бы от восторга, и восторженно напевал – «Спасибо, Господи, ибо мне отсосали!».

Сом думает в ином ключе. Он не благодарит, но вопрошает – «Господи, ответь! Пошли мне знак! Неужели я действительно накормил Нону Викторовну спермой? И какие шансы сделать это ещё раз? А потом снова, снова и снова?! Возможно ли это?! Не нахожусь ли я в прекрасном сне?! И есть ли способ оставаться здесь как можно дольше?!».

Миха лежит на кровати, закрыв глаза. На его животе пепельница. В руке сигарета. Кольца табачного дыма медленно поднимаются к потолку. Он думает. Он пытается разложить всё по полочкам, проникнуть в ситуацию лезвием дедукции.

Факт первый.

История Паши Сопли подтвердилась. Значит, он не единственный старшекласник, осчастливленный таинственной дырой.

Факт второй.

У Ноны Викторовны шикарная задница. А бюст просто... просто... ладно, это не относится к делу.

Факт третий.

Задержав парней после урока, она выразилась предельно точно. «Прогуляйтесь и убедитесь». Она не обращалась к кому-то персонально. Это было сказано для всех. Значит, ненасытная похотливая сука рассчитывала на двоих кавалеров? Неужели чёртова училка именно это имела в виду?!

Факт четвёртый.

Как только хлюпающие звуки утихли, роскошная бестия предстала перед обслуженным счастливецом. Она не стала скрываться. Не стала ждать, пока Миха уберётся из левого крыла. Значит, она пожелала, чтобы её увидели.

Но зачем?

Есть только один ответ. Училка дала понять, что за стеной была именно она.

Еще раз – но зачем?

И снова единственный ответ. Она рассчитывает на продолжение банкета! Она обожает принимать члены в глотку, пробовать учеников на вкус! Обожает так сильно, что занялась этим сразу, как только появилась в школе! Следовательно, если вывалить перед ней хозяйство – порочная дама тут же исполнит фокус с глотанием шпаги, истекая слюной и хлопая в ладоши от восторга!

Увы, последнее – далеко не факт. Возможно, вся эта история – не более, чем последовательность случайных и чертовски удачных совпадений. Возможно, на той стороне было два человека. И они даже не подозревали о существовании друг друга. Разве следует отбрасывать такую вероятность? Ведь это реальность, сраная реальность, а не постылый хентай или кино на порнохабе!

Миха утирает лоб, вспотев от раздумий. Усилия такого рода провоцирует стояк и сжигает миллион калорий в час. Чёрт подери, как же быть? Как с этим разобраться? Как узнать отношение Ноны Викторовны к белковой диете? И как тактично, по-джентльменски, предложить ей новое вливание протеинового коктейля?

И самый, самый, самый главный вопрос – что предпринять? Как совершить расследование, и не попасть на первую полосу газет?

Он вздыхает. Запускает руку под кровать. Шарит в пыли, пытаюсь найти какой-нибудь учебник. Пора собираться в школу. Сейчас не время прогуливать. Надо отыскать ответы. Надо найти членососку под прикрытием!

Миха сидит в беседке за спортплощадкой. Он нуждается в совете. Необходим консилиум. Но Толстого ещё предстоит убедить, что Паша Сопля не лжец и не больной фантазёр. Это будет непросто. Сейчас есть лишь один человек, способный дать совет. Человек опытный и компетентный в подобных вопросах. Сом включает мобильник. И набирает телефон папаши.

Абонент берёт трубку. Раздаётся давно забытый голос, приятный мужской баритон. Вместо приветствий, слышен громкий шёпот.

– Я перезвоню, сынок. Не трать деньги, это дальняя связь. Я в Баден-Бадене, с пани Возняк. Сейчас перезвоню.

Из мобилы летят гудки. Миха морщится. Похоже, его предок вышел на международный уровень. Только подумать, сучий пёс окучивает какую-то полячку. И, как обычно, брешет. Хорошо, если он перезвонит на тридцатилетней юбилей своего отпрыска. В конце-концов, Михаил Сомов – издержки профессии Авдея Сомова. Он же Витольд Бауэр. Он же Эльдар Бланж. Он же Эдуард Приходящий. У старого пижона много творческих псевдонимов.

Однако, Сом слишком жесток к отцу. Телефон тренькает ровно через десять минут.

– Сын, чего хотел? Опять деньги не зачислились?

– Да нет, всё пришло. Всё в норме.

– А что случилось? Погоди, ты не болен? Квартира в порядке? Ты не затопил первый этаж, сынок?!! Не устроил пожар?!!

– Да всё в норме, говорю же. Мне нужен... ну... совет.

– Миша! Мишенька! Только не говори, что вляпался в дерьмо! Что ты натворил?! Какую статью тебе шьют?! Назови номер статьи! Что ты... ладно... ладно... главное, не паникуй, сынок! Я знал, что это случится, рано или поздно. Крепись, Миша, ты сын своего отца, с этим ничего не поделать. Вот тебе мой совет – запомни его хорошенько! Ничего не говори ментам! Вообще ничего не говори! Ни ментам, ни следаку, ни госадвокату! И ничего не подписывай!!! Ты имеешь право на собственного адвоката!!! Мы найдем тебе лучшего!!! Я привлеку Кройцмана!!! У Кройцмана перед нами моральный долг, я полгода жил с его тетушкой, с этой сварливой старой сукой!!! Только ничего не говори и не подписывай!!!

– Нет же! Хватит! Всё в норме! Я никуда не встрял!

– А... ладно... понятно. Чего сразу не сказал? Так зачем ты звонишь?

– Нужен совет. По твоей части. Слушай... эмм... как... ну... завладеть вниманием женщины? Которая, ну... старше тебя? Ну, в смысле... ты понял?

На том конце трубки повисает пауза. В этот раз, в голосе звучит гордость за отпрыска.

– Михаил, сынок, ты молодец! Молодец, парень! Я перезвоню. Мне надо присесть, взять нож для сигар, пепельницу. Это долгий разговор. Пять минут, сын, я перезвоню.

Как и обещано, через пять минут звонят из Баден-Бадена. Советчик на том конце провода начинает лекцию.

– Запомни, сын – всегда начинай со страстных, восторженных взглядов! Демонстрируй самое искреннее томление, желание и восхищение! Репетируй перед зеркалом. Если не хочешь выглядеть нелепо – упражняйся перед зеркалом каждое утро. Позы, взгляды и жесты должны быть доведены до автоматизма, иначе они выглядят глупо, нелепо, и, всего хуже, неискренно. Помни, женщина страшна в своём желании воздать за фальшивые восторги! Запомни это! Искренность, сынок! Научись изображать искренность! Нет, погоди – давай сразу о главном. Прежде чем мы начнём – есть важный момент. Убедись, что у старухи нет официального опекуна, который может изменить её завещание. Убедись, сынок, иначе есть риск, что все твои старания пойдут прахом! Убедись, что эта проблема не помешает последней – и величайшей любви всей её жизни!!!

– Это пиз... кхм. Спасибо. Слушай, давай. Мне пора на занятия. Потом созвонимся.

– И обзаведись доверенным нотариусом! Нотариус – твой лучший друг, когда дело касается наследства!!! Хороший нотариус – половина дела! Помни, сы...

Миха сбрасывает звонок. Перед глазами всплывает сумеречный образ – Сомов Старший в красном халате, с розой в зубах, и в окружении похотливых сморщенных старушек. Миха кривится и выключает телефон. Папаша охренеть, как помог.

Увы, родителей не выбирают.

Миха весь день торчит в школе. Действует, точно Штирлиц в самом сердце Абвера. Он фотографирует расписание пар по экономике. На переменах слоняется по школе и пытается обнаружить Нону Викторовну. Однако, как только на горизонте показывается роковой силуэт – он тут же смывается, даже не задумываясь о следующем шаге. Сом попросту не знает, с чего начать расследование.

Метания и суета занимают весь учебный день. По дороге домой, Миха решается обсудить свои мысли с Толстым. Он начинает издали. Очень издали.

– Толстый, слушай тему. Как думаешь, Нона Викторовна хочет нас трахнуть? Потрахаться в два ствола? Ну, знаешь, один в жопу, другой в рот?

– Разумеется, хочет. Что за тупой вопрос? Как можно нас не хотеть?

От Толстого ускользает суть и смысл. Изя тут же начинает упражняться на тему, как он засадит роскошной училке, и какая роль достанется Михе в этом предприятии. Сому ничего не остаётся, как поддакивать. Он делает ещё одну попытку.

– Чувак, ну серьезно? Просто представь. Просто допусти такую возможность. Ну, бля, в порядке мысленного эксперимента? Сам посуди, ведь чего только не бывает на свете?

Изя Куккенцукер мечтательно вздыхает. Увы, этот парень слишком рационален, слишком прагматичен, слишком умён, чтобы рассматривать такую вероятность на полном серьёзе.

– Сом, знаешь, есть старая еврейская поговорка: дурак растёт без дождя. Но я понимаю, о чём ты. Понимаю прекрасно, чувак! Смотри только, сильно не увлекайся. Уже есть один Паша Сопля. Второго наш дружный отряд не заслуживает. Лады, чувак? Но на всякий случай – всё же купи себе пижаму с единорогами!

– Ладно, заебал, хватит... у тебя вообще ноль фантазии...

Миха затыкается. Решает не закидывать удочку в очередной раз. Плохие новости. Кажется, придётся действовать в одиночку. Они молча идут к серым многоэтажкам. Перед самым домом, Толстый хлопает друга по плечу.

– Хули ты киснешь? Завтра пир для глаз! Для души и глаз, ёб твою! Возрадуйся, чувак! Давай, Сом, не кисни, хуев лунатик!

Остаток дня Михаил Сомов курит и глядит в потолок. Он пытается не киснуть. На самом деле пытается. Увы, человеческую природу не изменить – получив малое, непременно захочешь большего. Вечером он бежит к банкомату. А после – на пяточок, к знакомому узбеку. Ближе к ночи табачную вонь разбавляет запах

травы. Наконец, волшебный дым помогает родить целую кучу идей, одна лучше другой.

Некоторые идеи кажутся не такими уж и дурацкими.

Глава 6

Новый день.

Новый урок экономики.

Новое испытание для умов, сердец, и нижнего белья.

Звонок. Эффектное появление. Вздохи. Восторги. Осторожные взгляды. Спрятанные под книгами мобильники. Высунутые языки. Слюни и сопение. Всё идёт по накатанному сценарию. Девчонки прогуливают занятия. Парни путешествуют среди звёзд, каждый на своей ракете. Всё как обычно – но не для Михаила Сомова.

Он неотрывно следит за училкой. Ждёт намёка. Ждёт улыбки, жеста, взгляда, адресованного ему лично. Ждёт чего угодно. Что-то должно подсказать следующий шаг!

Спектакль начинается на пятой минуте урока. Нона Викторовна отвлекается от экономической теории. Захлопывает учебник. Оглядывает класс поверх очков «этим-самым» взглядом. И изрекает:

– Парни, вам не жарко?

Не дожидаясь ответа, открывает форточку возле учительского стола. Это не выглядит попыткой соблазнить всех и каждого. Ничего не предвещает беды. Однако, проходит ещё пять минут – и томная дама начинает демонстративно обмахиваться тетрадью. В её голосе появляются коварные нотки.

– Следовало одеться полегче. Вот так погода. Как писал поэт – весна вступила в свои права. Уже градусов тридцать? Нет? Кажется, все сорок. Просто невыносимая жара.

Нона Викторовна решает охладиться. И расстегивает верхнюю пуговицу на своей блузке. словно в замедленном кино, расстёгивает ещё одну. В классе повисает гробовая тишина. За следующие десять минут дьявольская фурия справляется с шестью пуговицами. Изнывающим зрителям открывается верхняя часть груди – и манящая ложбинка между упругими холмами. Мало того, коварная училка берёт тетрадь и обмахивается, словно веером. Бюст покачивается в такт быстрым движениям. Ветер колышет лёгкую ткань, делая невыносимое зрелище ещё более невыносимым! Врата ада с грохотом распахиваются! Выпускают клубы сернистого дыма и всех бесов разом!

Ад и чад вторгается в души. В помещении слышно потрескивание брюк.

Миха понимает – всё это неспроста. Чёрт возьми, неспроста! Он ждёт, что Нона Викторовна пошлёт ему воздушный поцелуй! Возьмёт в рот дужку очков – и сладострастно подмигнёт! Совершит что-то эдакое! Даст чёртов знак!

Увы, вместо точечных ударов, роскошная бестия устраивает ковровые бомбардировки. Делает неучам одолжение: облакачивается на локти, наваливается грудью на стол, кладёт перед собой учебник. Читает из книги вслух – и не поднимает глаз от страниц. Даёт насладиться зрелищем всем без исключения. Позволяет перегретым засранцам сделать пару-тройку удачных кадров на телефон. Сом млеет вместе с классом. Но в то же время – он раздосадован и обескуражен.

Неужели у Ноны Викторовны нет любимчиков?

Неужели за стеной трудился кто-то другой?!

После звонка ракообразные медленно выползают из классной комнаты. Переглядываются, собираются в кучки, отдуваются, делятся впечатлениями, трясут телефонами. И расползаются. Среди них нет Михаила Сомова. Он все ещё в классе.

Миха набрался смелости и задержался. Увы, ему не хватает решимости, чтобы начать разговор. Он просто стоит возле доски. Переминается с ноги на ногу. Наконец, Нона Викторовна отрывается от своих занятий. Бросает на ученика вопросительный взгляд.

– Сомов? Ты чего-то хотел?

Уши двоечника горят. Миха пытается совладать с собой, восстановить дар речи. Он хочет лишь одного – снять штаны, запрыгнуть на учительский стол, и заставить эту бестию дышать носом. Но вот беда, подобные желания не так-то просто изложить в пристойном виде. Титаническим усилием воли, он разлепляет уста.

– Нона Викторовна, вам... требуется помощь?

– Ты о чём, Сомов?

– Ну... что-нибудь отнести... куда-нибудь. Ведро там. Или что-нибудь проверить... кхм... где-нибудь.

– Нет, спасибо.

Фигуристая красотка отвечает просто и в лоб, без всяких фокусов, без всякого томления. И снова утыкается в журнал. У Михи пересыхает во рту. Чертовка холодна, как лёд! Холодна и беспощадна! Или... он опять вообразил себе чёрт знает что! Всё же, это был сон! Счастливый и недолгий сон! Он чувствует себя полным идиотом. Но понимает – решиться в следующий раз будет в тысячу раз труднее. Надо что-то предпринять. Надо идти до конца!

– Знаете, Нона Викторовна, я ну... всегда готов вам помочь... ну... кхм... вообще с чем угодно. Ну, знаете. Как бы... ну...

– Искренне рада. Спасибо, Сомов. Не опоздай на урок.

Училка отвечает дежурным тоном, не отрываясь от своих дел и не глядя на Миху. Он отчаивается. Все старания напрасны. Все надежды разрушены. Он идиот, идиот, идиот, миллион раз идиот! Но отступить нельзя! Ещё одна

попытка! Ещё одно усилие! Нет смысла робеть и тушеваться – ведь уже невозможно стать большим идиотом, чем он есть!

– Нона Викторовна, я... я... я... ну... хотел бы вас, ну, того... как-то поддержать... ну... эм... эээ... принять участие, понимаете, в личном плане... подать руку помощи... там... ну, я не знаю... если надо там, ну, пристроиться, в смысле, приделать полку... или вам лично, ну, например, комод... или шкаф передвинуть... что-то такое, понимаете, всегда рад....

Михил Сомов понимает, что несёт полную пургу, безобразную и бессмысленную.

И сразу понимает кое-что ещё. Бессвязные тупые послания достигли адресата!

Училка отрывается от тетрадей и журналов. Поворачивается к нему в кресле. Забрасывает ногу за ногу. И наконец-то смотрит на ученика. Миха пытается не отвести глаза, выдержать оценивающий, пристальный, и даже жуткий взгляд. Неужели сбивчивые речи задели таинственные романтические струны? Неужели получилось!?

Его ждёт очередной провал – глаза сами опускаются ниже. Прилипают к упругим сферам, словно муха к липучке. Миха теряется, тушует, и смущается сверх всякой меры. Вместо того, чтобы выставить наглеца из класса – горячая бестия продолжает играть в гляделки. Разглядывает ученика, словно удав кролика. Кажется, она о чём-то раздумывает. Принимает какое-то решение.

Наконец, появляется хищная улыбка. Нона Викторовна снимает очки. Невыносимо эротично проводит по губам пластиковой дужкой. Её взгляд смягчается. В голосе звучат новые, таинственные нотки.

– Шкаф не помешало бы передвинуть.

– Что? Что?!! А... конечно, конечно, Нона Викторовна, я всегда готов подвигать. Извините, в смысле, ну, передвинуть.

– Такая культура. Такая забота. Михаил, вижу, ты воспитанный парень. Хоть и двоечник. Молодец, Сомов!

– Я?... да, конечно... разумеется...

Училка запускает руку в кожаное портмоне. Выуживает бумажный прямоугольник. Пишет что-то – и протягивает Сому. Миха чувствует, как сердце вновь бьется! Это визитка. Визитка, чёрт возьми!

– Я недавно переехала в ваш город. Было бы очень кстати помочь со шкафом. Сегодня, часов в семь вечера. Вот только шкаф весьма тяжелый. Позови с собой кого-то из парней, чтобы не надорваться.

– Это ещё зачем такое... кхм... а... ну да, конечно...

– Семь вечера, Сомов. А теперь – марш учиться.

Палец с розовым ногтем указывает на дверь. Сом разворачивается кругом – и марширует к выходу. Закрывая дверь, он снова встречается взглядом с горячей красоткой. Михе кажется, что роскошная дама улыбается с самым многообещающим видом.

На визитке адрес, выведенный каллиграфическим почерком. Улица Щорса. Дом десять.

Старая купеческая дача, построенная в конце восемнадцатого века. Исторический памятник архитектуры.

Откуда у обычной училки средства, чтобы купить такие хоромы? Может быть, снимает с кем-то вскладчину? Или... живёт у любовника? Или вместе с богатыми родителями?! Неважно. Это не главное. Сом трясётся от предвкушения. Пытается справиться с нервами. Чуть ли не грызёт ногти.

Кажется, всё сходится.

Всё, абсолютно всё!

Неужели свершилось?

Неужели сегодня наступит первый день нового мира?

Радость омрачают слова о подмоге. Что, если действительно придётся таскать купеческую мебель, огромные, помпезные деревянные короба из вяза или дуба? Есть только один человек, которого можно взять на задание. К сожалению, это Изя Куккенцукер – чёртов прагматик, чёртов скептик, истинный сын своего народа.

Миха приглашает Толстого в свою берлогу. И начинает его обрабатывать.

– Слушай чувак, такое дело... ты вечером свободен? Тебя предки не загрузили на остаток дня? Ну там, скрипичный класс, синагога, мытьё посуды?

– Что ты мутишь? Колись, у тебя на роже написано, что что-то мутишь. Выкладывай, поц!

– Только давай без лишнего пиздежа Окей? Окей, я спрашиваю? Меня сегодня Нона Викторовна попросила... ну... лично попросила об одолжении. Чтобы мы нанесли ей визит. И там ну... помогли с расстановкой мебели. Задача для настоящих мужиков, понимаешь?

Толстый набирает воздуха, чтобы выложить свои мысли по поводу товарища и его фантазий. В этот момент Сом вытаскивает из кармана визитку. И передаёт другу. Толстый осекается.

– Бля, ты серьёзно?

– Серьезней некуда. Давай, Толстый, готовность номер один. Два часа на сборы. Приходи в сознание, мой свой обрезанный хер, и поехали к Ноне Викторовне.

– Ты опять за своё? Сом, ты же ёбнутый. Не, погоди, серьёзно думаешь, что тебе отломиться? Реально, ёбнутый! Чувак, это уже не смешно. Алло, есть кто дома?

– Хватит пургу нести. Ничего я не думаю. Просто приедем, ну... поможем. Чай попьём, как интеллигентные люди. Пообщаемся там. Хера ты паникуешь? Хера ты кипятишься, Толстый? Можно подумать, херовая идея, потусить с училкой. Ты в деле или нет?

– Безнадёжный ты дрочила! Я вижу, о чём ты думаешь. У тебя же слюни текут, тупая ты обезьяна. Кому ты заливаешь? Ладно, ладно, хватит рожу хмурить. Я в деле, чувак. Конечно, я в деле.

Купеческая дача выглядит весьма загадочно. И даже тревожно. Зелёная патина на чугунных пиках забора. Стены из тёмного кирпича, заплетённые диким виноградом. Под окнами – заросли высохшего чертополоха. Из сада раздаются крики воронья. Гости не соответствуют духу этого места. Они не похожи на байронических джентльменов в цилиндрах и длинных плащах. У них нет серебряных черепов на тростях. Нет и самих тростей.

Толстый держит коробку с тортом.

В руках у Сомы – букет из пяти алых роз.

Изя Куккенцукер пытался объяснить другу, что это неуместно, глупо, и даже пошло. Увы, безрезультатно. Миха вооружился фраерским набором дешевого ловеласа. Он хорошо помнит повадки своего отца, блистательного Авдея Сомова. Красивые жесты – вот что открывает дорогу к сердцам и роскошным задницам! Алый – символ любви и страсти!

Толстый вежливо и тактично намекает другу, что получив от дамы приглашение, некрасиво задерживаться.

– Блядь, Сом, хули ты примёрз? Заебал, поц! Давай, ёб твою, постучись!

– Постучи сам, у меня же видишь, цветы...

– Ты это затеял! А теперь ссышь?! Ссышь, чёртот гой?! Давай, будь мужиком! Сукаблядь, стучи уже!

Миха решается сделать последний шаг. Берётся за кольцо в зубах бронзовой головы чёрта. Раздаётся гулкий и громкий звук ударов. Через минуту из дома доносится шум открывающейся двери. Джентльмены переглядываются. Кажется, сейчас выползет карлик-горбун с гремющей связкой ключей, и зашипит

– «госпожа вас ожида-а-а-а-ает».

Калитка со скрипом открывается. Толстый паникует. Инстинктивно отшагивает. Но Миха хватает его локоть. Назад дороги нет.

Хозяйка дома лично встречает гостей.

Парни едва не выпускают дары из рук. Сто килограмм ада и зноя упакованы в чёрный шелковый халат, подвязанный тонким шнуром. Ткань едва доходит до середины бедер. И едва смыкается на высокой груди. Прямо на уровне глаз Изи Куккенцукера отчётливо выделяются контуры сосков, массивных, и, кажется, напряженных. В голове Сомы и Толстого одновременно взрывается один и тот же вопрос – есть ли что-то под этим нарядом? Есть ли что-то ещё?!

– Добрый вечер, юноши.

– Сдрастье, Нона Викторовна... это вам... мы же ну... не могли, ну... явиться с пустыми руками.

– Как мило. Нет-нет, не подумайте, я серьёзно. На самом деле очень мило. Погодите-ка. Почему вас всего двое? Почему не взяли кого-то ещё? Например, Кривопуста. Очень приятный молодой человек.

Толстый и Миха растерянно переглядываются. Кажется, шкаф успел вырасти до титанических размеров. Разумеется, если речь идёт о шкафе. Изя подаёт голос, пытаюсь справиться с неловкостью.

– Паша Соп... в смысле, Паша так и не пришел в норму. Неврастения. Нона Викторовна, я же вам рассказывал.

По лицу красотики пробегает тень сожаления. Через секунду на губах вновь появляется приветливая улыбка.

– Чего же вы стоите как вкопанные? Прошу, входите.

Нона Викторовна делает шаг навстречу ученикам, и придерживает дверь. Гости протискиваются в калитку, едва не задевая щеками бюст хозяйки. Она ведёт

гостей в дом. Шагает перед парнями. Исполняет дежурный фокус с покачивающимися бёдрами и ягодицами. Короткий халат придаёт этому трюку особую остроту.

В доме царит запустение. С потолка свисают комья паутины. Свечам в потемневших канделябрах столько же лет, сколько выцветшим обоям. Окна затянуло диким виноградом. Стёкла едва пропускают свет вечернего солнца. На стенах пыльные картины: сцены войны и охоты.

Если бы Миха и Толстый не были так увлечены разглядыванием задницы хозяйки дома – они бы обнаружили кое-что интересное. Сюжеты картин далеки от пасторальных полотен в местном краеведческом музее. Гусары распиливают французского офицера на орудийном лафете, наматывают его кишки на барабан. Волки насилуют румяных крестьянок. Обезглавленный старец в рубище спускается с эшафота, держа в вытянутой руке собственную отрубленную голову. В жуткой галерее царствуют три цвета. Серый цвет дыма и сумеречного неба. Желтоватые оттенки обнаженной кожи. Багровая мешанина из растерзанной плоти, деформированных тел, и окровавленной земли.

Пальцы с розовыми ногтями толкают резную дверь с облезшими вензелями.

– Прошу, располагайтесь. Секунду, принесу чашки и нож.

Сом и Миха вползают в зал. Половину стены занимает огромный камин. Рядом с камином фрагменты разломанной мебели. Решетки и заслонки покрыты толстым слоем сажи. Посреди комнаты небольшой мраморный столик. Рядом со столом длинный полосатый диван и высокое старое кресло. Наконец, гости разглядывают помпезный шкаф – не такой уж и огромный, чтобы приводить сюда половину класса.

Юные засранцы падают на диван. Недоумённо оглядываются. Они ждали чаепитие на тесной кухне – но оказались в декорациях к костюмированному фильму с вампирами, оборотнями, и чёрт знает, с кем ещё.

Хозяйка дома возвращается к гостями. В её руках широкий поднос, блюда и чашки. Она режет торт перед визитёрами. Наклоняется – и парни судорожно сглатывают от вида нависающей над столом массивной груди. Нона Викторовна наливает чай. Протягивает Сому и Толстому по блюду с угощением.

Еще не сказано и слова.

Голодные взгляды ещё не прилипли к прорехам в чёрном шелке.

Но страшное уже случается!

Случается в первые же минуты визита!

Нона Викторовна наклоняется перед Толстым.... и выпускает из рук блюдо с тортом! Фарфоровый диск переворачивается в воздухе. Падает гостю прямо на ширинку! Брюки покрываются месивом из крема, коржей и крошек! Через долю секунду раздаётся решительный и громкий голос хозяйки!

– Ах, как неловко! Как неудобно! Мои извинения! Изя, не двигайся! Сиди и не двигайся, я сейчас уберу! Только попробуй двинуться!

Нона Викторовна хватает салфетку. Опускается перед пострадавшим на корточки. Отлепляет перевёрнутое блюдо от портков. И начинает энергично обрабатывать пах ученика салфеткой! Халат сползает, обнажает плечи. Грудь открывается почти до самых сосков. Упругие сферы эротично покачиваются в такт ладони на брюках.

Шокированный Толстый замирает с открытым ртом и поднятыми руками! Он едва не теряет сознание от избытка чувств! Изя боится смотреть вниз – но против природы не попрешь! Пять секунд трясок и протираний – и его штаны уже атакованы с двух сторон! Миха смотрит на происходящее, открыв рот вместе с товарищем!

Наконец, Нона Викторовна понимает, что портки ученика не спасти. А возможно, это лишь предлог. Возможно, коварная бестия желает полюбоваться на еврейские ляжки. Она решительно встаёт. Парни слышат новую команду.

– Куккенцукер! Снимай штаны!

– Что? Что... что... а? Что?!!

– Снимай брюки! Надо закинуть в машинку и просушить. Займет не больше часа. Ну-ка снимай, кому я сказала?! Изя Куккенцукер, немедленно снять штаны!

Глава 7

Толстый выкатывает глаза. Бледнеет, трясётся, безмолвно шевелит губами. И подчиняется. Вскрикивает с дивана, лихорадочно расстёгивает ремень, стягивает портки. Застывает по стойке смирно. Прикрывает дрожащими ладонями идиотские кремовые трусы.

Хозяйка дома сгребает его манатки. И вылетает из зала. Толстый всё так же стоит, трясётся, и хлопает глазами. Миха понимает – вечер вот-вот лишится романтического томления. Началась суета. Началась полная херня! Он громко шепчет другу, пытаясь вывести его из ступора.

– Сядь! Толстый, блядь! Хера ты вскочил с хером наперевес? Садись уже!

– Какого хуя?!! Миша!!! Что это такое, Миша?!! Какого хуя?!! Где мои брюки?!!

– Сядь и заткнись! И спрячь свой кулан! Поставь тарелку сверху! Что ты творишь, придурок?! Ты же всё испортишь! Веди себя прилично, иначе мы вылетим отсюда!

– Вот и хорошо!!! Вот и хорошо, Миша!!! Я хочу домой!!!

– Ну-ка, блядь, не ной! Хули ты сопишь? Только, блядь, попробуй зануть! Сделай нормальное лицо! Толстый, пожалуйста! Просто сядь и покушай!

Губы Изи трясутся. Он выглядит напугано и растерянно. Однако, Миха знает, как привести друга в чувство. Слова о еде помогают справиться с потрясением. Толстый опускает зад на диван. Пытаясь успокоиться, кладёт себе в тарелку сразу три куса торта. И начинает сосредоточенно поедать кремовые розочки.

Блеклые солнечные зайчики исчезают со стен. В углах сгущается темнота. Толстый ёжится, но продолжает уминать торт. Миха чувствует, как по полу струятся потоки холодного и сырого воздуха. Он оглядывается – нигде не видно ни ламп, ни выключателей. Взгляд натывается на пыльный портрет. Страшная, раздувшаяся, бородатая рожа. Рядом бледная дама с высокой причёской. Бывшие обитатели купеческого дома?

Раздаётся скрип двери. В зале появляется Нона Викторовна. В её руке подсвечник с горящими свечами.

– Изя, ещё раз мои извинения. Твои брюки будут в полном порядке. А сейчас – давайте пить чай.

Гостеприимная хозяйка идёт вдоль стен, зажигает свечи в почерневших канделябрах. Подходит к куче мебели возле камина. Кладёт ладони на древний комод – и без видимых усилий разрывает его на две половинки. Точно так, как ребёнок рвёт лист бумаги! Треск, щепки, пыль! Нона Викторовна всё так же любезно улыбается – а в её руках трещат и разлетаются толстые дубовые доски. Искорёженный антиквариат отправляется в камин. Хозяйка подносит свечу.

Языки пламени начинают пожирать вензеля и резные фигуры. Отблески огня пляшут по блеклым обоям, шёлку и коже. Толстый перестаёт жевать. Недоуменно протирает глаза. Вопросительно смотрит на друга.

Сом чувствует, знает – с училкой происходит что-то неладное.

– Нона Викторовна, а куда этот шкаф... ну, двигать?

Пытаясь совладать с неловкостью, Миха затевает светскую беседу. Училка даже не притронулась к угощению. Она расселась в кресле напротив гостей, вытянув безбожно-длинные ноги. Её обнаженные ступни касаются дивана, на котором ёрзают юные повесы. За спиной красотишки полыхает камин, похожий на запасной вход в местный филиал ада.

– Не стоит перенапрягаться. Вдвоём не получится. А я вам не помощник. Женщинам не следует таскать мебель. Найму грузчиков с первой зарплаты.

– Конечно, конечно... конечно, не следует, Нона Викторовна... ну, погодите, мы с Изей... ну... сейчас попытаемся...

– Спасибо за заботу, юноши. Как ваш учитель, я не позволю вам надорваться. Пейте чай.

Миха берёт чашку. Он пытается развить беседу.

– Нона Викторовна, кстати, хотел сказать... очень крутой дом.

– Это дом купца Пичугина. Вы наверняка слышали его фамилию? Можно сказать, один из выдающихся граждан Кривограда. Он построил здание торговой палаты. И Пичугинские склады. И здание нового театра. Вы знаете его историю?

– Да вроде, что-то вроде помню... на самом деле, кхм, нет... первый раз слышу.

– Ну как же так? Стыдись, Михаил Сомов. Как можно не знать историю собственного города? Стыд и срам! Только послушайте – прекрасная история. Супруга Елисея Пичугина изменила ему в этом самом доме. Он застал её вместе с учителем французского языка. Возможно, в этой самой комнате. Купец тут же сошёл с ума. Пичугин вырвал и съел сердце супруги. Затем убил и съел несчастного француза. А после – съёл конюха. Затем повара-китайца. Пичугин отправился в город, и съел звезду Волжского Театра Оперетты, прекрасную Анну Фольдгольц. Представьте себе, юноши – съел полностью. Остались только балетные пуанты.

Миха и Толстый наблюдают за странной метаморфозой. Всегда сдержанная и собранная Нона Викторовна начинает меняться. Взгляд роскошной красотки затуманивается. Она откидывается в кресле, проводит кончиками ногтей по своему бедру. Кажется, история про съеденную балерину доставляет ей странное, но дьявольски яркое удовольствие.

Гостеприимная хозяйка томно облизывает влажные губы. И продолжает развлекать гостей.

– Пичугин вернулся в дом. И тем же вечером затащил сюда нескольких прохожих. Как вы думаете, юноши, что он сделал? Правильно, убил их и съел. Сначала лица. Затем потроха. Затем всё остальное. Вскоре сюда явился городской, вместе с жандармами и пожарниками. Они выпустили в Пичугина три дюжины пуль, прежде чем смогли вытащить из дома. Купец умудрился откусить и проглотить голову одного из жандармов. Пожарные изломали об него багры. А после разобрали забор и забили купца чугунными прутами. Превратили в ком из мяса и потрохов. Вбили в землю кости и плоть. Это случилось в саду. В трёх десятках метрах отсюда. Если выглянуть в окно, можно увидеть прореху в чугунной ограде. Ах, какая славная история! Как же я обожаю исторические факты!

Толстый подаёт голос.

– Пиздец, вот жесть... Простите. Простите, пожалуйста, Нона Викторовна. Случайно вырвалось. Даже не думал, что вы так хорошо знаете историю Кривограда. Слушал бы и слушал. Это очень, очень, познавательно.

Миха изо всех сил пихает Толстого локтем в рёбра. Он не желает, чтобы томный вечер прекратился из-за бескультурных выходов. Чёртов Изя!

Нона Викторовна пропускает плохое слово мимо ушей. На её лице блуждает улыбка – странная, рассеянная, и даже мечтательная. Она кивает Толстому.

– Разумеется, Куккенцукер. Рада, что ты интересуешься историей родного края. Вы не представляете, сколько подобных историй случилось в Кривограде. Знали, что в семнадцатом веке здесь был скит староверов? Совсем рядом, в лесах к северу от города. Слышали когда-нибудь имя Агапия Стратилата? Лесной старец Стратилат – знаете о нём? Он целых десять лет просидел в яме посреди болот, молясь и наставляя учеников. Его называли святым. Именно он создал «Ересь Стратилата». Митрополит обратился к императрице, к самой Екатерине Великой, дабы она расправилась с раскольников. Гвардейцы вытащили старца из норы. Но не повезли в Москву, на церковный суд. Его вздёрнули на ближайшем дереве. В яме нашли кости сорока человек. Представляете, юноши, какая прелесть? Он создал секту – и годами питался собственной паствой. Говорят, старец умер не сразу. Корчился в петле неделями, а столичные попы жгли ладан, пытаясь изгнать беса. Только представьте – сожрал сорок человек. Чудесно, правда, ребята?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bal-tazar-blud_/adskaya-uchilka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)